

Л. Н. ДОДА

Вечности бессмертный трепет

ПЛЕННИК

ЛИТЕРАТУРЧЕСКИЕ СЕЗЫ
А.С. ПУШКИНА

ВЕЧНОСТИ

ДИАЛОГИ А.С. ПУШКИНА
С ВЕЧНОСТЬЮ

И видишь оборот во всем кругообразный

СУДЬБА ДОНСКИХ АРХИВОВ ПУШКИНА И КРЮКОВА

«АРХИВ - ЭТО МОЁ ВЕЧНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ МН ЛЕВЫМ»

«Может быть, придет когда-нибудь время-быстроустранный, внезапно оживший повествователь с достаточной полнотой и последовательностью изобразит ту картину зрелых муж Дани Тихого. <-> Может быть, отойдет на расхождение, и исключаящую даль времени, будет создано целостное поэтично и отображение туго народной, бедоу калачной. Сейчас это сделать нет сил» (Ф. Д. Крюков).

«За честь казачества взметнет волну наш Дон седой»
Ф. Д. Крюков

Л. Н. Дода

**СУДЬБА ДОНСКИХ АРХИВОВ
ПУШКИНА И КРЮКОВА**

2021

Дизайн обложки: Леонид Дода

В оформлении обложки использованы элементы Пушкинской науки, основу которой составляет “златая цепь” или вечное движение (“вечности бессмертный трепет” и “оборот во всём кругообразный”), гармония противоположностей в образе “кота ученого, не схожего ни с одним котом”, гуляющего “направо и налево по цепи кругом”. Модели в виде 200 “философических таблиц” позволили Пушкину заглянуть в будущее (“трядущего волнуемое море”) народов, стран, цивилизаций. Эти таблицы составили его Донской Архив (ДАР), который он оставил до завещанного срока у наказного атамана Д. Е. Кутейникова (его портрет в овальной рамке), потомки славного рода которого надежно сохранили и преумножили Пушкинскую святыню.

Нижняя часть обложки символически отражает пророческое призвание другого “светлого пророка” – Ф. Д. Крюкова, узревшего в “крестных муках Дона Тихого”, на “донском средостении” (А. И. Солженицын), трагедию России в 1917 году и её беды в будущем. Архив Крюкова и “заветные тетрадки” содержали материалы к «большой вещи», отразившей сказанное выше и послужившие фабульной основой для создания М. А. Шолоховым и достоверно не проявленными пока соавторами романа «Тихий Дон».

Автор: **Дода Л. Н.**

Судьба Донских архивов Пушкина и Крюкова. – М.: Издательство «Артегер», 2021. – 60 с., ил. 42.

Исследование творчества и малоизвестных фактов жизни А. С. Пушкина и Ф. Д. Крюкова привели автора к поиску Архивов и сопутствовавших им материалов, оставленных Пушкиным в 1829 г. на хранение у наказного атамана Д. Е. Кутейникова (Донской Архив Пушкина) и Крюковым в 1919 г. у Н. П. Асеева (Архив Крюкова). Показан неслучайный интерес А. И. Солженицына с обоими хранениями. Результаты поисков и находок уникальных документов и фактов, связанных с Донскими Архивами писателей, отражены в предлагаемой читателям книге.

Книга будет интересна всем категориям читателей.

ISBN 978-5-9100-515-7

© Л. Н. Дода, 2021

© Издательство «Артегер», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Донская тайна А. С. Пушкина

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Донской Архив А. С. Пушкина и его хранители	6
2. Историки Пушкин и Сухоруков	15
3. Философические опыты А. С. Пушкина	22
4. А. И. Солженицын и Донской архив Пушкина	28

Часть вторая

Архив Ф. Д. Крюкова и его хранители

5. «... Архив – это моё вечное поселение на Земле»	34
6. А. И. Солженицын и Архив Ф. Д. Крюкова	39
7. Памятные встречи	50
7.1. Воспоминания Л. А. Новак о встречах с хранителем Архива Крюкова М. А. Асеевой	50
7.2. Рукопись Ф. Д. Крюкова «Булавинский бунт» и её семантическая связь с романом «Тихий Дон»	52
7.3. А. И. Солженицын, рукопись «Булавинский бунт» и встреча автора с писателем.....	56
8. Пророческое призвание писателя Ф. Д. Крюкова	57
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	58
ПРИМЕЧАНИЯ	59

ВВЕДЕНИЕ

Исследование творчества и малоизвестных фактов жизни А. С. Пушкина и Ф. Д. Крюкова привели автора к поиску Архивов, оставленных ими на хранение в 1829 и 1919 на Дону.

Судьбу Архивов сблизили и объединили следующие обстоятельства:

- связь хранений с Доном и Новочеркасском;
- “опала” и непризнание официальной наукой самого факта существования архивов и заключенных в них исторических фактов и знаний;
- надежда на обнаружение к завещанному сроку Донской тайны Пушкина (речь о донском архиве) и материалов «большой вещи» Крюкова;
- предсказания будущего России и Донского края в материалах архивов;
- растущий интерес народа к архивным знаниям и фактам жизни и творчества писателей;
- неслучайный интерес А. И. Солженицына к Донским архивам Пушкина и Крюкова, скрывающих некую тайну, которую мы, потомки, пытаемся разгадать;
- небезуспешная попытка автора проявить имена хранителей и следы отмеченных архивов в разные исторические периоды.

О загадках и тайнах хранения Донских архивов Пушкина и Крюкова дальнейший рассказ, состоящий из 2-х частей: собственно сведений об Архиве Пушкина (гл. 1-3) и Архиве Крюкова, его хранителях (гл. 5-8).

В главе 1 приведена краткая история Донского архива Пушкина, оставленного им на тайное хранение в 1829 году у наказного атамана Д. Е. Кутейникова при следовании на Кавказ, рассказано о судьбе хранителя Архива И. М. Рыбкине, публикуются уникальные материалы и документы, подтверждающие сам факт существования Архива, не признаваемый большинством пушкинистов, в том числе в Пушкинском Доме.

Главы 2, 3 отражают исторические и философические опыты и взгляды А. С. Пушкина, подтверждающие реальность и возможность рассмотрения исторического процесса с позиций созданной им науки о циклах и ритмах. Прообраз будущего России он увидел в донских “станциях-республиках” (Н. М. Карамзин). Поэтому вовсе неслучайно его знакомство с донским историком В. Д. Сухоруковым (гл. 2).

Интерес А. И. Солженицына к Архивам Пушкина и Крюкова, использовании материалов архивов в своих произведениях, встречах автора с писателем показаны в главах 4, 6, 7.

Особую роль в обнаружении архивных материалов Ф. Д. Крюкова, благодаря знакомству с хранителем М. А. Асеевой, сыграла донской историк, краевед и музейный работник Л. А. Новак (глава 7). Её заслуга в том, что рукопись Крюкова «Булавинский бунт» была опубликована, запущена в научное обращение и пришла к современному читателю (гл. 7.2). О встречах и работе автора с Л. А. Новак рассказано в гл. 7.1.

Глава 8 о пророческом призвании Ф. Д. Крюкова, который как писатель и вдумчивый историк, благодаря историческим параллелям, понял и осмыслил истоки и причины донской трагедии 1918-1919 годов в революции 1917 года – «страшном эксперименте над несчастной Россией» (Ф. Д. Крюков).

Автор глубоко признателен и благодарен за помощь в работе и обсуждение материалов книги А. Г. Макарову, Ю. А. Кувалдину, Л. В. Цыганок, Л. А. Штавдакер, Н. И. Буниной, а также супруге П. Г. Дода за тихое мужество и терпение.

Часть первая

ДОНСКАЯ ТАЙНА А. С. ПУШКИНА

1. ДОНСКОЙ АРХИВ А. С. ПУШКИНА И ЕГО ХРАНИТЕЛИ

В мае 1829 года при следовании на Кавказ поэт оставил до завещанного срока архив своих научных работ в виде “философических рассуждений” и материалов к ним у наказного атамана генерала Дмитрия Ефимовича Кутейникова (1767 – 1844) (фото 1). О его служении на атаманском поприще Всевеликого Войска Донского и участии в баталиях можно прочитать здесь <https://cont.ws/@alexanderkrot/1332861>

Фото 1. Портрет наказного атамана Войска Донского генерала Д. Е. Кутейникова (1767–1844). Неизвестный автор. Новочеркасский музей истории донского казачества (НМИДК).

Какие обстоятельства и когда ранее сблизили известного поэта А. С. Пушкина и славного атамана Д. Е. Кутейникова – доподлинно не известно. По одной из версий знакомство состоялось через генерала Н. Н. Раевского-старшего, знавшего Д. Е. Кутейникова по русско-турецкой кампании 1787–1791 гг. и войне 1812 года. Известна история 1 октября 1787 г. в Кинбурнском сражении с перевязкой Кутейниковым раненного командующего А. В. Суворова.

Тем не менее, в одном из частных архивов автору показывали докладную записку шефу III отделения тайной полиции А. Х. Бенкендорфу о встрече Пушкина и Кутейникова на Казачьем подворье в Санкт-Петербурге после объявления 7 июня 1827 Указа Государя на атаманство Кутейникова. Видимо, были особые причины для встречи. Повторно они могли встречаться в Новочеркасске ~ 11 мая 1829 г. проездом Пушкина на Кавказ и возвратном пути 13 сентября 1829 г. (Н. С. Коршиков).

По семейному преданию потомков атамана, их майская 1829 года встреча произошла в Новочеркасском доме атамана Д. Е. Кутейникова на ул. Александровской. Дом не сохранился. Но по архивным документам [РГВИА. Фонд 331, опись 1, дело 641, документ 17] он находился на восточном углу Александровского “уступа” одноименной улицы (фото 2.3). На картине Карла Петера Мазера (1807 – 1884) «Открытие памятника

атаману Платову. 1853 г.» в экспозиции Новочеркасского музея истории донского казачества (НМИДК) он просматривается (фото 2.1, дом показан стрелкой).

Отметим любопытный момент. Кисти К. Мазера принадлежат посмертный портрет А. С. Пушкина и Н. Н. Пушкиной (фото 2.2). Портреты написаны по просьбе П. В. Нащокина. Пушкин изображен с перстнем-талисманом, подаренным ему Е. К. Воронцовой, и воспетом в известном стихотворении. Более чем странное сближение, не правда ли?...

Фото 2.1. Картина К. П. Мазера «Открытие памятника атаману Платову. 1853 г.». Стрелкой показан дом Кутейникова на ул. Александровской. Место хранения НМИДК.

Фото 2.2. Портреты четы Пушкиных кисти К. Мазера, написаны по просьбе П. В. Нащокина

На месте дома Д. Е. Кутейникова в 1913 году было построено трехэтажное здание из белого кирпича в стиле «модерн», владельцем которого являлся некто В. Н. Хацкан. В 1923 году здание национализировано. До 1955 г. в нем находился Педагогический (бывший Учительский) институт (рис. 2.4), в котором преподавал и был зав. кафедрой географии один из хранителей ДАР-а Н. В. Попов. После разгрома архивного хранения в Таганроге в 1966 он «приютил» часть материалов у себя дома.

В наше время в здании находится корпус Колледжа промышленных технологий и управления на ул. Александровской № 109. 10 февраля 1978 года в нескольких залах открыт великолепный народный музей «Зеленая лампа», посвященный А. С. Пушкину. В экспозиции музея более 600 экспонатов. Первым организатором, руководителем и хранителем музея была В. М. Дьякова. С 1985 года её дело достойно продолжает Л. С. Калинина. Краткая информация о музее здесь:

https://novocherkassk.net/wiki/novoprint_item/1191/.

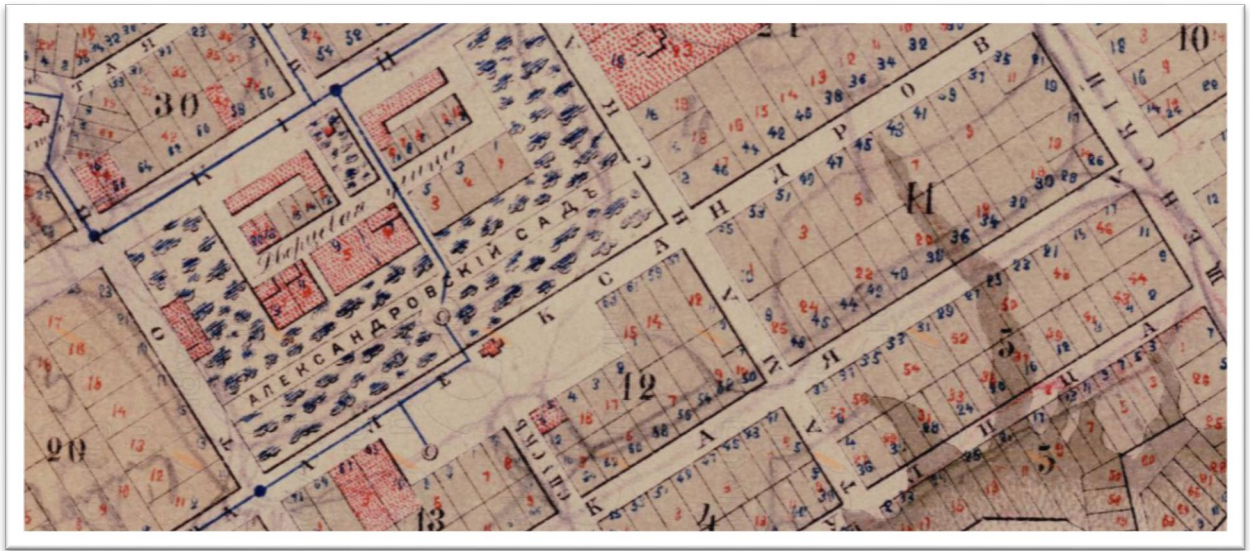
Событие знаковое: Пушкин вновь ”вернулся” в славную казачью столицу и ”встретился” с атаманом Д. Е. Кутейниковым. Интересно, о чем они могли бы беседовать ныне? Но этот сюжет для другого повествования...

На противоположном западном углу “уступа” по ул. Александровской (фото 2.3), согласно упомянутого документа в РГВИА, находился дом генерала А. А. Мартынова, в котором в 1840 и 1841 годах у генерал-лейтенанта М. Г. Хомутова, в ту пору наказного атамана, проживавшего в этом доме, останавливался М. Ю. Лермонтов. Сохранился рисунок этого дома, выполненный художником В. Ф. Тиммом в мае 1849 года (фото 2.5). Стараниями донского художника, краеведа и лермонтоведа В. К. Куинджи (1930 – 2009) в память о пребывании Лермонтова в Новочеркасске на месте дома установлена мемориальная доска (фото 2.6). Неплохо бы установить на месте дома Кутейникова подобную памятную доску о пребывании Пушкина в Новочеркасске в мае 1829 года.

На плане Новочеркаска 1851 года (фото 2.3) нанесены дома Д. Е. Кутейникова и А. А. Мартынова, находившиеся в 12 и 13 кварталах города.

Вот так, в домах славных атаманов, на одном “уступе” улицы Александровской, гостевали два великих поэта, оставив своим пребыванием в Донской столице памятный

след и загадки для потомков, которые мы до сих пор разгадываем. Воистину, бывают странные сближения.

Фото 2.3. Александровский "уступ" в кварталах №12 (восточный) и №13 (западный) с домами Д. Е. Кутейникова и А. А. Мартынова на плане Новочеркаска 1851 года.

Фото 2.4. Современный вид здания по ул. Александровской 109, построенного в 1913 году на месте дома Кутейникова, в котором до 1955 г. находился Учительский институт и преподавал один из хранителей ДАР-а Н. В. Попов. Ныне в нескольких залах размещается народный музей А. С. Пушкина «Зеленая лампа».

Фото 2.5. Дом А. А. Мартынова, в котором в 1841 и 1842 годах у генерал-лейтенанта М. Г. Хомутова останавливался М. Ю. Лермонтов. Рисунок и подрисовочная надпись сделаны художником В. Ф. Тиммом в мае 1849 года.

Фото 2.6. Памятная доска на месте дома А. А. Мартынова о пребывании М. Ю. Лермонтова в Новочеркасске. Нынешний адрес дома ул. Александровская 121. Автор В. К. Куинджи.

М. Ю. Лермонтов бывал в Новочеркасске 11 раз. Последний 12-й раз в апреле 1842 года гроб с его телом везли с Кавказа через Новочеркасск для перезахоронения в Тарханах.

На месте дома Мартынова в начале 20 века выросло двухэтажное здание Мариининского приюта для детей бедных казаков. Одним из попечителей приюта была мать Н. А. Кузнецова – Софья Ивановна Кутейникова (род. 1861 – ...), дочь И. С. Кутейникова (1815 – 1864), первого хранителя Архива, того самого, который (по семейному преданию) присутствовал при ночном разговоре Пушкина и атамана Кутейникова. Она вместе с сестрой Екатериной Ивановной Кутейниковой (1855 – ...), третьим хранителем Архива, собрала уникальную коллекцию старинных научных книг и журналов, в том числе, книги из библиотеки Пушкина и те, которыми он пользовался при написании своих научных (философических) работ. Н. А. Кузнецов (1886 – 1966) был хранителем Архива Пушкина с 1920 до 1952 г. О поколениях хранителей нам поведал И. М. Рыбкин (см. фото 5.1).

Кузнецовы проживали в доме приюта. Сохранился дневник Н. А. Кузнецова (его рукописная копия имеется у автора), в котором описаны обитатели приюта и другие интересные факты из жизни Новочеркасска в лихие 1917–1919 годы. Упоминаются и отдельные эпизоды жизни и непростой судьбы хранителя ДАР-а в 1919 г. С. И. Кутейникова (1857 – 1919), дяди Н. А. Кузнецова по матери. Автор считает своей большой удачей восстановление и дополнение родословной Кутейниковых, что позволило уточнить ряд фактов из биографий хранителей Донского архива Пушкина.

Потомки славного рода Кутейниковых надежно и бережно хранили Пушкинскую святыню, преумножили её, собрав ценную коллекцию книг и документов, связанных с архивными материалами Пушкина. Хранение разрасталось и превратилось в «Архив всего русского», как его называли хранители. Последним известным хранителем был Иван Макарович Рыбкин (1904 – 1994), принявший Архив в 1952 г. от Н. А. Кузнецова (фото 3.1). Более подробно о судьбе ДАР-а и хранителей рассказано в публикациях Елены Мирзоян (светлая память, ушла в мир иной в апреле 2019 г.), которая долгое время, как журналист, общалась с хранителем Рыбкиным. Авторская публикация на эту тему в статье «Пленник вечности. Философические опыты А. С. Пушкина» // Наука и религия. 2000, № 6. С.16-21.

Проницательный Читатель спросит: “Почему Пушкин оставил свой загадочный Архив именно на Дону у наказного атамана Кутейникова в 1829 году?” Хранители поясняли: в одном из документов Архива имеется запись Пушкина – “Там в ритме повторилась Русь”. Строка, не вошедшая в пролог «У Лукоморья» к поэме «Руслан и Людмила», сочиненный в 1825 году, на 5 лет позже поэмы. В прологе находим очень похожую по смыслу строчку: “Там русский дух, там Русью пахнет”. “Там” – у Лукоморья, в Приазовье на Дону. Передача Архива на тайное хранение именно в 1829 году тоже неслучайна. Пушкин тайно отъехал на Кавказ, чтобы умереть. По другой версии – с 1824 года Пушкина не покидала мысль уехать за границу (Ю. Дружников «Узник России»): «Когда ж начну я вольный бег? Пора покинуть скучный брег. Мне неприязненной стихии...». Явная авторская проговорка из «Евгения Онегина». Наконец, третья версия, хранителей – собственно, передача на хранение ДАР-а. Поэтому самое сокровенное – Архив научных (философических) работ – оставил на Дону у истинного патриота России атамана Кутейникова. А упоминание о “ритме Руси” – это расчисление грядущего России по “философическим таблицам”, о которых Пушкин “проговорился ” в «Евгении Онегине» (7 гл. XXXIII песнь). Вспомним и поразмышляем над этими пророческими строчками:

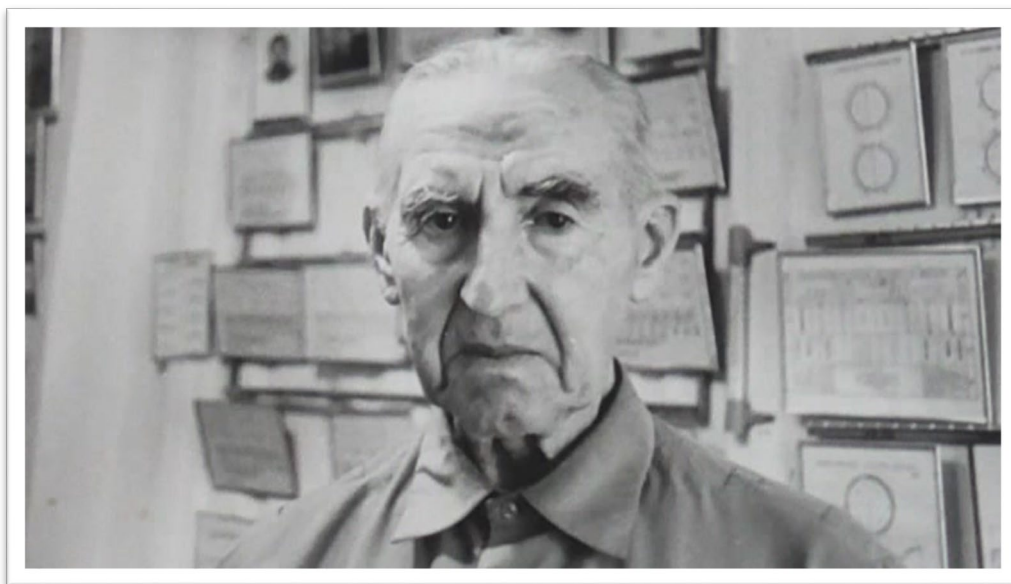
Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно...

Увы, с “дорогами” в России в прямом и метафорическом смысле пока не все гладко. Но поверим Пушкину-пророку и его пророческому призванию: «Авось дороги нам исправят» (Евгений Онегин, 10 гл. VII песнь). Академические пушкинисты со знанием дела возразят: без всякой эзотерики и мистики Пушкин имел ввиду таблицы французского математика и экономиста Шарля Дюпена (1784 – 1873), книга которого сохранилась в библиотеке Пушкина. В качестве альтернативного аргумента относительно интереса Пушкина к эзотерике приведу его суждение в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (12 августа 1825): «Просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялась: метафизического языка у нас вовсе не существует». Позже, в письме к А. А. Дельвигу от 12 марта 1827 года, Пушкин высказался на эту тему так: «Бог видит, как я ненавижу и презираю немецкую метафизику

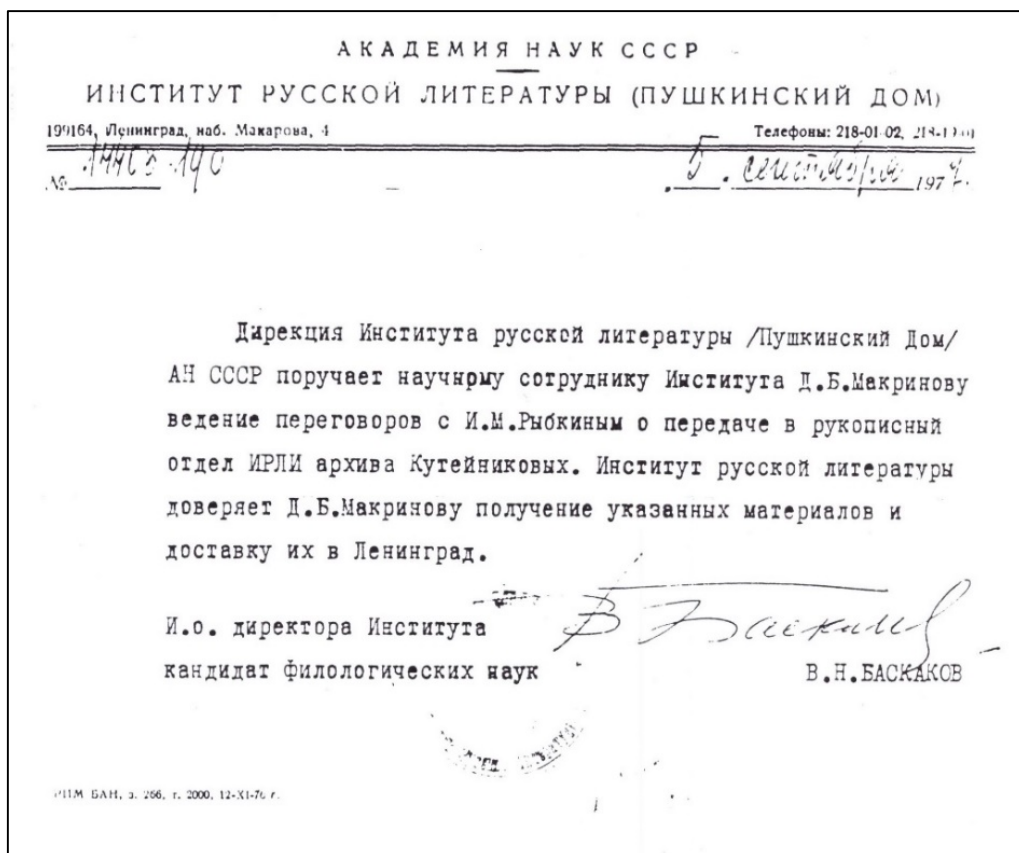
... всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы...». Подобные аргументированные возражения не очень нравятся современным пушкинистам. Одной из наиболее значимых философических работ Пушкина в Донском Архиве является «Рассуждение о Вечности». Подлинник и перевод со старофранцузского «Рассуждения» хранители показывали в марте 1977 года в Пушкинском доме (ПД) известному пушкинисту С. А. Фомичеву (в ту пору ученому секретарю ПД) и его ученику, сотруднику группы пушкиноведения ПД Макринову Д. Б. Об этом стало известно из письма последнего Рыбкину И. М. от 3 мая 1977 года (хранилось в архиве Рыбкина):

«Вчера я смог присоединить к переданным Вами С. А. (Фомичеву С. А. – Л. Д.) и присланным мне бумагам 3 и 4 страницу из материалов архива Кутейниковых... Значение того факта, что Пушкин размышлял над такими глубочайшими открытиями человеческой мысли и работал над их развитием как ученый и философ, интуитивно прозревающий самые сокровенные глубины бытия, трудно даже приблизительно представить. Так что разговор с публикой на языке архива Кутейниковых кажется мне делом не близким». Пессимизм последней фразы сохраняет свою печальную актуальность и поныне. Диалог Пушкина с Вечностью так и не был понят пушкинистами. Не доросли... Тот же доктор филологии Фомичев не мог не знать потрясающей метафорической “проговорки” Пушкина «...вечности бессмертный трепет» или еще более сильной – «и видишь оборот во всем кругообразный».

В 1996 году автор отправил письмо Д. Б. Макринову (в ту пору о. Алексею, настоятелю храма на Гимназическом подворье в Гатчине). В нем была просьба прояснить некоторые моменты во взаимоотношениях Пушкинского дома с Рыбкиным. Макринов направлялся дирекцией ПД в Таганрог к Рыбкину любой ценой “заполучить” материалы из архива Кутейникова (фото 3.2). Однако в ответном письме Д. Макринов (о. Алексей) откrestился от этой истории. Видимо, не подозревал, что Рыбкин скрупулезно хранил всю переписку с ПД и другими организациями. А ведь И. М. Рыбкин вначале ему поверил, даже показывал несколько уникальных архивных подлинников. Но после встречи с Фомичевым и Макриновым у хранителей укрепилась мысль в неискренности устремлений пушкинистов-чиновников из ПД. После чего все контакты с ними прекратились. Так “волшебники” из ПД не пустили Пушкина в дом своего имени.

Фото 3.1. И. М. Рыбкин (1904 – 1994) – последний известный хранитель Донского Архива Пушкина на фоне экспонатов созданного им домашнего музея научных и философических работ А. С. Пушкина. Фото Е. Л. Мирзоян.

Фото 3.2. Копия письма-доверенности Д. Б. Макринову от дирекции Пушкинского Дома на ведение переговоров с И. М. Рыбкиным о передаче в ИРЛИ архива Кутейниковых.

2. ИСТОРИКИ ПУШКИН И СУХОРУКОВ

*Светлой памяти Н. С. Коршикова, моего Учителя,
донского историка и краеведа, посвящаю*

Пушкин был послан нам Свыше для создания «солнечного средоточия нашей истории» (И. Ильин). Однако в художественной летописи России с ироническим названием «История села Горюхина» автор вместе с горюхинским летописцем недоумевал: «Но какую историю мог я написать, где бы не предупредили меня многоученные добросовестные мужи? Какой род истории не истощен уже ими?..» Своеобразным воплощением замысла написания именно «такого рода истории» стали «философические таблицы», позволившие поэту-историку «быть судьей, наблюдателем и пророком веков и народов»:

Со временем (по расчислению
Философических таблиц),
Лет чрез пятьсот дороги, верно,
У нас изменятся безмерно...
(Евгений Онегин, 7 гл., XXXIII)

Заметим, в черновой знаменитой онегинской строфы были разные варианты таблиц: Дурен сравнительные, полистатические, геостатические. Но Пушкин выбрал именно «философические», по-видимому, не без влияния книги Вольтера «Tableau philosophique...», которая имела в его библиотеке (№ 1495 по каталогу Б.Л. Модзалевского).

Особо подчеркнем мысль о пророческом призвании поэта. «Я верую в пророчества пиитов», - речет мысль автора «Бориса Годунова» его герой. И вновь слышится нам спасительно-призывный голос Пушкина:

Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный восстал,
Россия! Встань и возвышайся.

Таким образом, можно осторожно предположить, что историк Пушкин подошел к философскому осмыслению истории [1]. Этому предшествовало и сопутствовало своеобразное художественное познание и осмысление исторического процесса и его движущих сил прежде всего в таких произведениях, как «Борис Годунов» (1825), «История Петра» (1827), «Полтава» (1828), «История села Горюхина» (1830), «Езерский» (1832), «История Пугачевского бунта» (1833) («мой первый исторический опыт», по признанию самого Пушкина). Такое осмысление проявилось и в некоторых его стихотворениях, например, «К вельможе» («и видишь оборот во всем кругообразный»), «Движение» («движенья нет, сказал мудрец брадатый»), в «философических и пророческих спорах» с Чаадаевым, Н. Полевым о «другой формуле для России», Гоголем о «неразрывной истории человечества, подобной кольцам в цепи». Тут же возникает ассоциативная картинка: «кот ученый всё ходит по цепи кругом». Интересный факт: в черновом варианте пролога «У Лукоморья» был «кот ученый, не схожий ни с одним котом». Вот вам и философская сказка, поведенная странным котом. У Чаадаева в шестом «Философическом письме» Пушкин не мог не обратить внимания на замечание: «...разум века требует совсем новой философии истории и понимания всеобщего закона,

управляющего движением веков». Это письмо Пушкин пытался издать в 1831 г. (факт примечательный в контексте дальнейшего обсуждения).

Историческая миссия донского историка В.Д. Сухорукова была не из легких. Проблема выбора «рода истории, неистощенного учеными мужами», перед ним не стояла. Хотя в 1814 - 1816 гг. директор училищ А. Г. Попов издал «Историю о Донском войске», которая, по справедливому замечанию Сухорукова, «не дает нам ни малейшей идеи ни о народе сем, ни об его области». Эта книга имелась в библиотеке Пушкина (№ 305 по описанию Б. Л. Модзалевского). В рецензии [2] на «Историю...» Броневского Сухоруков справедливо отмечал: «...История казаков имеет совсем иной цвет». Блестящее отражение этого «цвета» находим у нашего донского историка в его очерке [3], в котором нарисован ослепительный по красоте и тонкости наблюдений портрет женщины-казачки: «Хотите ли узнать наружность наших женщин? Представьте красавиц роскошной Азии, смешанные вместе черты черкешенок, турчанок, татарок, русских, и тогда получите общее понятие о красоте обитательниц Дона; пламенные черные глаза, щеки, полные свежей жизни, величайшая опрятность и чистота в одежде составляют собственность наших девушек» [3]. Напомним, именно эту работу Сухорукова, напечатанную в «Русской старине» за 1825 г., Пушкин просил прислать брата в Михайловское заточение.

В ноябре 1822 г. состоялась двухчасовая беседа Сухорукова с Н. М. Карамзиным, на которой историки обсуждали вопросы казачества и дальнейшие планы. Основные разногласия проявились в вопросах происхождения казаков, их участия в народных движениях. И тем не менее, эта встреча оказалась знаковой. Сухоруков с помощниками А. Кушнareвым, М. Кучеровым, В. Постновым достойно справились с поставленной задачей: составили «Историческое и статистическое описание земли Войска Донского» [4]. «Труд важный, – по отзыву Пушкина, – не только для России, но и для всего ученого света». Столь высокая оценка Пушкиным труда донских историков не случайна. Именно в казачестве, в «станицах-республиках», он предвидел многие черты грядущих перемен в России, воплотив их в метафорической формуле «там в ритме повторилась Русь». Воистину поверуешь в «пророчества пиитов», наблюдая современную Россию и Дон. А интерес Пушкина к казачеству известен [5] и проявился еще в первой поездке на Кавказ с Раевскими. «Когда-нибудь прочту тебе мои замечания на черноморских и донских казаков - теперь не скажу о них ни слова», - писал Пушкин брату в 1820 г. после возвращения с Кавказа. Не исключено, что материалы по казачеству с «замечаниями» Пушкина обнаружатся в одном из частных хранений на Дону. Проблески такой надежды уже появились. Неудивительно, что «сходство занятий» поэта Пушкина и донского историка Сухорукова так сблизило их в июне 1829 г. на Кавказе, что и было запечатлено Пушкиным в «Путешествии в Арзрум», напечатанном в апрельском номере «Современника» за 1836 г. Билет на получение журнала, а также письмо от 14 марта 1836 г. Пушкин передал через Ф. Шумкова, «милого молодого человека, от которого нередко получает известия» о Сухорукове [6]. Это письмо нашло опального донского историка на Кавказе, куда он был откомандирован в Донской полк в августе 1834 г.

Любой новый документ, проливающий свет на историю отношений Пушкина и Сухорукова, должен вызвать определенный интерес у историков, пушкинистов, биографов. Любопытные сведения из жизни Сухорукова мы обнаружили в его записной книжке. Ее оригинал для исследований любезно предоставила историк и краевед из Новочеркасска Л. А. Новак (светлая память). Документ представляет сшив из пяти сохранившихся листков (шестой вырван) с записями Сухорукова орешковыми чернилами и частично карандашом. Датируется нами октябрём - ноябрём 1831 г. – последними месяцами пребывания Сухорукова по службе в Финляндии, в г. Або (ныне г. Турку). Анализ почерка, атрибутирование, персонификация проводились совместно с донским историком Н. С. Коршиковым (светлая память). Вспоминается его беглый и внимательный взгляд на пожелтевшие от времени листочки и нескрываемое от волнения мгновенное заключение: «Почерк, характерное написание букв, манера изложения Сухорукова,

датировать можно 1831 г., службой в Финляндии и возвратным путем на Дон. Для уверенности сравним с одной его рукописью [7]. Остальное доработаете сам». Вот стиль настоящего профессионала, историка и учителя. Еще в феврале 2001 г. мы обсуждали материалы этой статьи, а третьего апреля Николая Семеновича не стало. Он был тонким знатоком донской старины, истинным патриотом Дона, чутким педагогом и наставником, воспитавшим не одно поколение историков в Ростовском государственном университете [8]. Завершение данной работы, интерес специалистов, будут благодарственной данью его светлой памяти.

Из пометок в записной книжке узнаем о планах поездок Сухорукова в Черкасск с 11 декабря 1831 г., Петербург 19-20 ноября, Москву - не позже 26 ноября. Последовательность городов сохранена по шиву, даты их посещения установлены нами. На обороте 3-го листка чернилами сделана пометка: «В Матросских Богадельнях», связанная с посещением Кронштадта; тут же карандашные пометки расходов на ямщиков и водку оним по дороге из Москвы до Новочеркасска. Например, до Тулы - 26 руб., на водку - 2.20, до Ельца - 26 руб., на водку - 1.60, до Воронежа - 17 руб., на водку - 1 руб., за подорожные - 20 руб. 94 коп., повозку - 40 руб.

О петербургских планах Сухорукова, которые, судя по зачеркнутым строкам, были выполнены, нам поведал 4-й листок со следующими записями (фото 4.2):

Въ Петербурге

Купить духов. Посмотреть обои.
 Английскую грамматику и лексикон.
 Попросить Северную пчелу и Сына Отеч.
 Спросить у Гр. Ку медикаментов от холеры.
 Спросить нельзя ли продать записки Фотия.
 У Глазунова отдать билеты Павла Петровича,
 и выписать дорожный путеводитель для Авгу. Васильевича Эйхлера.
 10 рублей от него получилъ. Взять для... (Далее угол листа оторван)

Оборот листа «Въ Петербурге»

[...] попросить, чтобы у Ильинского вырвал выписку из дела, если будет сомнение о его жизни.

Петергоф

Купить лучшей столовой бумаги.
 Купить губку для мытья.
 Поговорить с Седовым о пересылке на Дон таратайки
 (написано карандашом)
 Поклониться Дамышу. Балыков Эрну (карандашом).

Размышляя над пометками петербургских планов Сухорукова, нам удалось реконструировать и восстановить некоторые события и эпизоды его жизни в 1829 - 1831 гг., а также высказать предположение о возможной встрече с Пушкиным в 20 числа ноября 1831 г. в Санкт-Петербурге.

Итак, 13 января 1830 г. после ареста в Тифлисе (не без «помощи» А. Чернышева), изъятия статей для «Тифлиских ведомостей», рукописи «Исторического описания войны 1828 и 1829 гг.» и других бумаг Сухорукова «в тот же день отправили с фельдъегерем Дамышем в Новочеркасск <...> для употребления на Дону на службу» [9]. Фамилия Дамыша, которому опальный историк должен «поклониться и угостить балыками», упоминается в петербургском листке. Видимо, было за что его благодарить. О причинах ареста, интересных свидетельствах Ф. Шумкова и других фактах исчерпывающе изложено

в статье Н. С. Коршикова [10]. На Дону Сухорукова ожидало предписание дежурного генерала Главного штаба А. Потапова от 24 декабря 1829 г., в котором атаману Д. Кутейникову приказывалось зачислить сотника В. Сухорукова «на службу в казачий полк, в Финляндии находящийся, тотчас же отправить его в оный с тем же фельдъегерем, поручив командиру полка иметь его под бдительным секретным надзором и тотчас доносить, если что-нибудь будет замечено в поведении его или образе мыслей» [9]. Можно предположить, что последние указания строго выполнялись. А из письма Ф. Шумкова к А. А. Карасеву от 20 ноября 1873 г. узнаем такой трогательный эпизод, рассказанный Шумкову самим Сухоруковым: «Из Тифлиса фельдъегерь привез его [Сухорукова] в Новочеркасск и прямо представил атаману Кутейникову, который встретил его с распростертыми объятиями и поцелуями, кои у него обыкновенно делаются между приятелями, и следующим: «Ах, любезнейший Василий Дмитрич, как я рад, что ты приехал, а то твоя старушка-мать все беспокоится о тебе. Иди же ты теперь домой повидаться с ней и живи себе, а я тебе пришлю после бумагу». И с тем вместе, обратившись к фельдъегерю, чтоб он получил из атаманской канцелярии квитанцию и особые бумаги, ехал в Петербург один. Недели через две Сухоруков получил приказ по Войску, где он переводится в полк Фомина, в Финляндии, куда и должен немедленно отправиться. Вот Вам и государственный преступник, переводившийся из одного полка в другой» [11].

С конца января 1830 г. Сухоруков служит в полку Фомина в Финляндии. «И там он приобрел отличное уважение всех, кто отличал ум и знание от невежества и вкрадчивости», - писал А. А. Карасев в своих записках [12] о донском историке. 29 августа 1831 г. Сухоруков подал прошение об отставке, которая не без помощи генерала И. Ф. Паскевича была удовлетворена. Выехать из Финляндии на Дон он смог лишь 16 ноября 1831 г. по причине эпидемии холеры в Петербурге, так как карантинные меры были сняты лишь в октябре. Видимо, в октябре - ноябре 1831 г. и были сделаны заметки-памятки в книжке. В столицу Василий Дмитриевич прибыл 19 ноября, о чем сообщали «Санкт-Петербургские ведомости». Попутно заметим, Пушкин в это время находился в столице. Он уехал в Москву 3 декабря и вернулся 27 декабря. Остановился Сухоруков на Казачьем подворье на 2 - 3 дня. Здесь и могла состояться встреча с Пушкиным, на которой он сообщил опальному донскому историку о печальной участи изъятых документов [13]. О том же Сухорукову поведал М. П. Погодин при встрече с ним в Москве, о чем свидетельствует его дневниковая запись от 26 ноября 1831 г.: «...рассказывал действия Пушкина для него» [14]. Погодин встречался с Пушкиным в Санкт-Петербурге 28 сентября и 28 октября 1831 г. Видимо, неслучайно при встречах разговор заходил о Сухорукове.

Но вернемся к петербургскому листку из книжки Сухорукова (фото 4.2). Несомненный интерес вызывает пометка о «Северной пчеле» и «Сыне Отечества», издаваемых Н. И. Гречем и Ф. Булгариным. С последним Сухоруков познакомился в марте 1824 г. через П. М. Строева. В редакции, конечно же, не откажут в просьбе подарить несколько интересующих его номеров. А таковыми могли быть № 153, 154 «Северной пчелы» от 23 и 24 декабря 1829 г. со статьей И. Радожицкого «Ответ на поправки г. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса». Та самая статья, которую А. Чернышев приложил к предписанию с приказом опечатать бумаги Сухорукова, отправить его на Дон и далее в Финляндию. Как считал Чернышев, статья является доказательством непопулярности деятельности Сухорукова в печатаемых им статьях о военных действиях Кавказского корпуса, «где он выходит на сцену своим лицом». Там же в редакции он мог узнать с последних литературных новостей и книжных новинках. А посетив книжную лавку И. И. Глазунова, что находилась в Гостинном дворе, выполнит просьбы Павла Петровича и А. В. Эйхлера (видимо, друзей по Финляндии, их личности не установлены). Фамилия Глазунова упоминается в листке. В лавке, возможно, подписался на альманах «Северные цветы» на 1832 г., издаваемый после смерти Дельвига Пушкиным, обратил внимание на его новую книгу «Повести покойного И. П. Белкина»,

сборник «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». В сборнике напечатано знаменитое стихотворение Пушкина «Клеветникам России». Не исключено, прочтет его стихотворение «Дон» в недавно вышедших (17 октября 1831 г.) прибавлениях к «Русскому инвалиду». Невольно нахлынут воспоминания о родном крае.

С «Записками Фотия», которые собирался приобрести Сухоруков, все ясно. Речь идет об архимандрите (с 1822 г.) Фотии, которого «ославил» Пушкин в своих эпиграммах за умение «тело в душу превращать», достойно оцененное графиней Орловой-Чесменской. О Фотии и его сочинениях имеется информация в словаре Брокгауза и Ефрона («Фотий», с. 397 - 398). Интересно, чем записки Фотия могли заинтересовать Сухорукова?

Пометка о «медикаментах от холеры» объяснима и вызвана опасениями за свое здоровье и близких на Дону. В 1830 - 1831 гг. в России свирепствовала эпидемия холеры. «Первая холера на Дону 1830 г. истребила в Области его 15250 душ обоего пола», - сообщалось в газетах того времени.

По прибытии в Новочеркасск 11 декабря 1831 г. Сухоруков встретился с бывшим атаманом А. В. Иловайским, друзьями-соратниками Шумковым, Кушнаревым, Кучеровым, Колесниковым (последний упоминается в Черкасском листке). Об этом было доложено Чернышеву. На первом листке, озаглавленном «В Черкасске», имеется запись: «Платовой отдать корень aqua panta. Справиться о Пейхлере в канцелярии. Прислать ему жеребка». Надо верить, эти пункты были выполнены. Лекарство предназначалось Наталье Алексеевне Платовой (урожденной Машлыкиной) или ее свекрови Марии Степановне Платовой (урожденной Кутейниковой, племяннице атамана). Этот факт может указывать на знакомство Сухорукова с потомками славных атаманов. Черкасские планы Сухоруков мог реализовать в 1832 - 1834 гг., будучи «на льготе». В августе 1834 г. он вновь откомандирован в Донской полк на Кавказскую линию. В 1836 г. в Пятигорске Василий Дмитриевич женился на О. В. Шевцовой, дочери статского советника, от которой имел трех дочерей. Там же его нашло письмо Пушкина [6], в котором он поздравляет с женитьбой и просит «прислать что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений». Опальному донскому историку было о чем рассказать и порадовать своего собрата по перу. Например, «Ответом Дона» графине Ростопчиной Е. П., нелестно написавшей о Доне. Были в «Ответе» Сухорукова и такие жгучие, близкие каждому донцу слова о Доне:

Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья
И вечность – летопись моя:
Я современник мирозданья!

Но Сухорукову было запрещено заниматься историческими исследованиями и публиковать свои произведения. Хотя не исключено, что все же некоторые материалы «Исторического описания...» могли быть переданы Пушкину не для печати через того же Ф. Шумкова. В августе 1839 г. в звании есаула Сухоруков возвратился в Новочеркасск. 14 апреля 1841 г. «вследствие прошения уволен от службы за выслужением лет без наград». Но одну награду он имел - орден Св. Анны 3-й степени. Умер Василий Дмитриевич 13 августа 1841 г. на 48-м году жизни.

Основной труд донского историка увидел свет лишь в 1867 г. (1-я часть «Историческое описание...») и 1872 г. (2-я часть «Статистическое описание...»), а обе части Статистический комитет Войска Донского издал в 1903 г. Рукописные копии «донской летописи» в разные годы имели хождение среди донской и столичной знати.

Стараниями и кропотливой исследовательской работой донских историков Н. С. Коршикова и В. Н. Королева сочинение В. Д. Сухорукова было опубликовано в журнале «Дон» [15], порадовав современного читателя и любителей Донской старины.

страсти. А за чаркой игристого донского вина (Н. С. любил его сравнивать с духом казачества) историческое действие продолжалось.

Грустно осознавать, что таких встреч больше не будет... Осталась только неизгладимая благодарственная память.

Словно предчувствуя скорый уход, он торопился завершить какие-то дела, попросил посмотреть в Москве третий том труда «Незабытые могилы», материалы которого нужны были для завершения родословной Иловайских. И последняя просьба Учителя, и этот том стали для меня печальным и ко многому обязывающим символом.

Но жизнь неумолимо стремится вперед. Дело Учителя достойно продолжается учениками и соратниками. И это благодарственная дань его светлой памяти.

Спасибо Вам за всё, Учитель.

Литература

1. Дода Л. Н. Пленник Вечности. Философические опыты А. С. Пушкина // Наука и религия. 2000. № 9. С. 16-21.
2. Сухоруков В. Д. Рецензия на книгу Броневского «История Донского войска»: В 4 ч. СПб., 1834 // Донской вестник. 1867. № 27-29.
3. Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XIX столетиях / Изд. газеты «Донская речь». Новочеркасск, 1892.
4. Коршиков Н. С., Королев В. Н. Историк Дона В. Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Дон. 1988. №4. С. 143-149.
5. Линин А. М. Пушкин на Дону. Историко-литературный очерк. Ростов н/Д, 1949; Коршиков Н. С. «Летя в пыли на почтовых...» (о пребывании Пушкина на Дону) // Библиотечка ДАР. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Ростов н/Д, 1997. С. 27-128.; Забабурова Н. В. С берегов воинственного Дона (Казачество в поэтическом и историческом сознании Пушкина) // Там же. С. 157-197; Дода Л. Н. Донская тайна Пушкина. // Жизнь национальностей. 1999. № 2-3. С. 11-16; Он же. Исторические опыты Пушкина // Историческая газета. 2000. № 1 (48). С. 3, 10.
6. Пушкин А. С. // ПСС. Т. 16. С. 90.
7. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 2, л. 1.
8. Агафонов А. И. Историк и краевед Н. С. Коршиков (1935 - 2001 гг.). Штрихи к портрету ученого // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион. Обществ. науки. 2001. №3. С. 36-40.
9. РГВИА, ф. 36, оп. 12, д. 15, л. 556; ф. 330, оп. 2, д. 21, л. 6.
10. Коршиков Н. С. Еще раз о «Записке» А. С. Пушкина // Дон. 1987. № 6. С. 165-170.
11. НМИДК, фонд В. Д. Сухорукова, п. VI, № 5, л. 2 об.
12. Карасев А. А. Сухоруков - донской казак // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 236-240.
13. ОР РГБ, ф. 19/111, к. 21, д. 18/1, л. 3; ИРЛИ (ПД), ф. 244, оп. 1, д. 1642, л. 5; Пушкин А. С. // ПСС. Т. 16. № 665.
14. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1985. С. 33.
15. Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского (Публикация и примечания Н. С. Коршикова и В. Н. Королева) // Дон. 1988. № 4-12; 1989. № 1-8, 10-12; 1990. № 1-12.

3. ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ А. С. ПУШКИНА

(статья Л. Доды «Пленник Вечности. Философические опыты А. С. Пушкина»
в журнале «Наука и религия». 2000. № 9. С. 16-21)

Загадочный научный архив, который Пушкин, по преданию, вручил казачьему атаману Кутейникову... В существование этого архива, хранящегося на Дону у потомков атамана, доньне не верит официальная наука. Однако вокруг архива (и даже вокруг самой «идеи архива») уже сложилось целое движение — «Русская наука», сориентированная на поиски исконной праотеческой мудрости и вещей пророчеств, содержащихся в творениях первого поэта России. И слава Богу, что сложилось. Но как же все-таки обстоят дела с самим архивом?

В далекие 80-е, когда еще был жив последний хранитель архива Иван Макарович Рыбкин, он встречался с главным редактором нашего журнала. И на резонную просьбу хотя бы показать один листочек оригинала ответил, что еще не пришло время, оговоренное самим Пушкиным (1998 г.). Теперь срок исполнился. И вот, хотя и нет уже в живых Ивана Макаровича, последователь «Русской науки» Леонид Николаевич ДОДА поработал в тайном архиве и теперь — впервые — предлагает читателям тот самый, давно желанный листочек из архива, а также результаты собственных исследований. Вот только текст листочка — это опять же не оригинал, а перевод: оригинал был, по словам Л.Н.Доды, на старофранцузском языке. Что ж: наш журнал — не центр почерковой экспертизы; мы и в других подобных случаях полагаемся на наших авторов. Так что читайте, взвешивайте и оценивайте своей собственной интуицией, своим сердцем.

ЛИСТОК ИЗ ТАЙНОГО АРХИВА

Декабрь 1825 года. Михайловское. Пушкин сжигает свои записки. Работа художника Ю.Иванова

«Вечность — то, что вечно, не имеет начала и конца. Следовательно в нем ни от кого ничего не произошло. Такая Вечность или ничего может существовать только как равенство противоположностей.

Итак, основной (первый) закон Вечности или Природы — равенство противоположностей. Его общее (абстрактное) выражение может быть представлено графически таким образом: в одном направлении — периоде волны, в двух направлениях — окружностью, имеющей два совершенно одинаковых, но взаимно противоположных направления, одно по часовой стрелке, другое против.

Волна, идущая в одном направлении, — время. В абстрактном представлении время — это периодичность или ритмичность, безразлично какой: световой, звуковой, годовой или находящаяся внутри предметов — существ. Из этого вытекает, что нет общего, единого мирового времени. У каждого предмета есть свое время — присущая ему ритмичность.

Если у времени выделить, обособить, один период, то это будет особь или предмет. Она состоит из четырех ясно выраженных частей, называемых фазами. Нетрудно понять, что такая особь в двух направлениях представляет собой окружность, которая имеет те же четыре фазы. Одна ветвь проходит их от первой к четвертой фазе, а другая, наоборот — от четвертой к первой».

ПЛЕННИК ВЕЧНОСТИ

Л. ДОДА

Философические опыты А.С.Пушкина

«Вечности бессмертный трепет».

А.С.Пушкин

Наиболее искушенный обнаружит в только что прочитанном философическом рассуждении классический образец античной философии. Пушкинисты возражают: «Это не может быть, покажите подлинник. В противном случае — это шарлатанство». «Быть может, — ответим мы, — и подлинник, и приведенный выше перевод хранители архива Пушкина (Кутейникова) показывали еще в марте 1977 года в Пушкинском Доме (ИРЛИ) С.А.Фомичеву, в ту пору ученому секретарю». (Более того, нам известно имя переводчика со старофранцузского «Рассуждения» и других материалов Архива, старейшего сотрудника (1977 г.) Эрмитажа.)

Из письма Д.Б.Макринова, сотрудника Пушкинского Дома (ПД), хранителю архивных знаний И.М.Рыбкину от 3 мая 1977 года:

«Вчера я смог присоединить к переданным Вами Сергею Александровичу (Фомичеву. — Л.Д.) и присланным мне бумагам третью и четвертую страницу из материалов архива Кутейниковых. Все эти бумаги хранятся у меня. Оба текста еще раз показали мне, какое несомненное сокровище представляет собой архив Кутейниковых... Значение того факта, что Пушкин размышлял над такими глубочайшими открытиями человеческой мысли и работал над их развитием как ученый и философ, а не только как поэт, интуитивно прозревающий самые сокровенные глубины бытия, мне пока трудно даже приблизительно представить. Так что разговор с публикой на языке архива Кутейниковых кажется мне делом не близким».

Заметим, пессимизм последней фразы сохраняет свою печальную актуальность и поныне.

Сделаем некоторые предварительные пояснения к письму Макринова Д.Б., в то время сотрудника группы пушкиноведения ПД, а ныне о.Алексея, настоятеля храма на гимназическом подворье в Гатчине. Материалы, переданные Фомичеву, включали в себя:

1. Рассуждение о Вечности.
2. Комментарий к тексту пролога «У Лукоморья».
3. Письма к Гапачко Л.В. (с.н.с. рукописного отдела Государственной библиотеки им. Ленина. — Л.Д.).

Лист № 38 (по архивной нумерации), переданный Фомичеву, и является приведенным выше «Рассуждением о Вечности».

Сомнения Фомичева, Макринова и многих других по поводу философических воззрений Пушкина безосновательны. Достаточно напомнить запись 1815 года из лицейского дневника юного Пушкина:

«10 декабря. Вчера написал я третью главу «Фатама, или Разума человеческого: Право естественное». Читал ее С.С. (Есакову. — Л.Д.) и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! — Поутру читал «Жизнь Вольтера»¹. Или возьмем более позднее (1825 г.) размышление Пушкина о вечном движении в стихотворении «Движение»:

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить...
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Так блистательно А.С.Пушкин высказался по поводу известного «философского эпизода» между Зеноном и Антисфеном. Его «аргумент ногами» не мог не восхитить поэта-философа Пушкина. Заметим, здесь он недвусмысленно указал на относительность вещей и явлений². Наконец, прямой ответ находим в «Сценах

из рыцарских времен» из уст Б.Шварца: «Слики найду вечное движение, то я не вижу границ творчества человеческого». Заметим, в черновике «Сцен» главному герою предстояло еще разрешить задачу квадратуры круга и получить «философский камень»...

Но вернемся к переписке с Пушкинским Домом. Из письма Рыбкина — Макринову от 17 июля 1977 года:

«Если даже действительно возникнет необходимость в фотокопиях или даже передаче всего Архива, то с моей стороны задержки не будет. Но как понимать в таком случае пассивность к переданному мною. Ведь там больше и значительнее яснее, чем в подлинниках...»

Главной задачей хранителей была расшифровка научных и философских текстов, оставленных Пушкиным будущим поколениям. Как теперь выясняется, в большой степени адресованных ученым XXI века. В одном из писем Рыбкин писал:

«Нужно ли давать пояснения (комментарии) к запискам Пушкина? У него все так кратко и ясно, что не поднимается рука добавлять к этому чуду ненужные смыслы примечания. Есть, правда, места, в которые мне приходится вносить по требованию времени некоторые изменения, не меняющие смысла. За них я в ответе».

Мы также следуем духу этого замечания. Правда, исходные условия несколько иные. В нашем распоряжении — расшифрованный хранителями подлинник «Рассуждения» и могучие культурные пласты нескольких цивилизаций, к которым обращался Пушкин в своем творчестве, а также многочисленные исследования пушкинистов разных поколений. Целью нашего исследования была попытка в этих исходных условиях проявить скрытые метафизические (по Аристотелю) истоки творчества Пушкина. При этом осознавалась его интуитивная способность воплощать в своих творениях мировые (и надмирные) законы, ставшие доступными пока лишь взору немногих посвященных.

Бессспорно, к их числу можно отнести и Пушкина. Первым об этом сказал Д.Андреев в «Розе Мира». А известный исследователь творчества Пушкина М.О.Гершензон в своей работе «Гольфстрем» (1922), пожалуй, одним из первых пушкинистов проявил глубинную связь Космоса Пушкина и античного Космоса, в частности, космологии Гераклита: «...Общее Гераклиту и Пушкину восприятие мира, как движения или огня, естественно привело обоих к тождественному пониманию Истины».

Приведем для сравнения Пушкина:

Где льются вечные струи,
Я находил огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.

«Разговор книгопродавца с поэтом», 1824³

¹ Вместе с тем следует заметить, что освоение лицевым Пушкиным философских систем носило скорее эпизодический характер. И в этом смысле роль преподавателей Галича, Куницына, Кайданова несколько преувеличена. Но вспоминая в слогане Смирновой-Россет о лицейских годах, Пушкин рассказывал: «Чадаев хотел мне вдолбить в голову Локка, я прочитал и сказал: это Вольтер, но более серьезный и на английский лад». Действительно, из всех философов именно Вольтер повлиял на Пушкина самым существенным образом.

² Следует отметить также стихотворение «К вельможе» (1829) — это своеобразная поэтическая энциклопедия философии XVIII века. Так тонко и поэтически лежкокрыло Пушкин угадывает в нем дух различных философских школ и течений. Например, в философии Просвещения Пушкин узрел не только бесплодное содержание, но и опасность общественных последствий революции («союз ума и фурий»). «Бунт и революция мне никогда не нравились», — писал Пушкин Вяземскому из Михайловской ссылки.

³ В черновике было: «язык небесный». Значит, Пушкин сознательно заменил «язык» «огнем».

Или вот эта жемчужина, божественным светом озаряющая источник вдохновения:
*Оттоль, где вечный свет горит,
 Где в блеске новом утоляет
 Несовершенство бытия.*
 Черновик

М.О.Гершензон: «Движение есть синоним свободы. К этому сводится вся нравственная философия Пушкина».

В этом откровении весь Пушкин:

*...Дорогою свободной
 Иди, куда влечет тебя свободный ум,
 Усовершенствовав плоды любимых дум,
 Не требуя награды за подвиг благородный.*
 «Поэту», 1830

И все это не просто метафорические картинки, как нас пытаются убедить современные пушкинисты. Здесь проявляется космология Пушкина в ее истинном смысле и свете.

А теперь, уважаемый читатель, давайте сравним «Рассуждение о Вечности» с отрывком № 30 из поэмы Гераклита «О природе»:

«Этот мировой порядок тождествен для всех, его не создал никто ни из Богов, ни из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим».

Отсюда следуют любопытные выводы:

- отрицание акта сотворения мира Богами;
- вечное движение у Пушкина тождественно вечно живому огню у Гераклита;
- мысль о строгой ритмичности мирового процесса;
- гармония противоположностей;
- отсутствие хаоса в природе («этот мировой порядок»: термин впервые введен Гераклитом);
- вечное движение суть и вечное изменение.

Такой элементарный сравнительный анализ могли провести и пушкинисты. А если бы они к тому же не поленились «поднять» Аристотеля, то их удивлению и вовсе не было бы предела (благо, философия, по Аристотелю, начитается с удивления). Аристотель поведал бы им следующее:

- наивысшая сущность — вечное движение;
- все нуждается в противовесе, чтобы достичь меры и середины; ибо в этом заключается сущность и правильное соотношение;
- существует что-то, что вечно движется безостановочным движением, а таково движение круговое (у Пушкина еще точнее: «...и видишь оборот во всем кругообразный» или «все ходит по цели кругом»);
- среди неизвестного в окружающей нас природе самым неизвестным является время.

Пушкин не поленился «поднять» антиков. В своих «Записках» А.О.Смирнова-Россет вспоминает его суждения об античных философах: «Платон был великий мыслитель, но лучшее из написанного им он взял у Сократа. Я перечитал Аристотеля в старом французском переводе; конечно, он доказывает существование Бога рассудком — и с какой непоколебимой логикой! Необходимо изучать древних, чтобы быть вполне просвещенным...»

Да, прав был П.Мериме, назвав Пушкина «последним греком». В нем действительно произошел синтез эллинизма и христианства. И если Сократ, Платон, Аристотель, Гераклит стоят у истоков религиозной метафизики Запада, Пушкин — «завершитель христианской метафизики Европы в ее русском аспекте» (А.Позов). Проживи Пушкин еще немного, он заговорил бы языком апостольским.

Пушкин в «Рассуждении» обращает внимание на вывод о множественности времен, но в рамках одного обо-

собленного периода для различных предметов (особей), а также об отсутствии единого мирового времени. Это полная противоположность тому, что в угоду математическому формализму наука «навязала» Природе. Из закона о равенстве противоположностей следует существование обратного времени-противовеса, или «движения вспять», как названо в одной из его статей.

Исследуя вопросы вечности, вечного движения и гармонии противоположностей в наследии Пушкина и материалах Донского Архива (ДАР-а), мы не могли не остановиться на их отражении в творчестве П.Я.Чаадаева — писателя, философа, близкого друга и сокровенного собеседника Пушкина. Тем более что отношения Пушкина и Чаадаева, их «философические и пророческие споры» еще ждут своего серьезного исследователя.

Перед отъездом на Кавказ в марте — апреле 1829 года Пушкин встречался с Чаадаевым в Москве. «Басманный философ» подарил ему двухтомничек Ф.Ансильона (1767—1837) «Мысли о человеке, его деятельности и предметах его познания» (Берлин, 1829г.).

Эта довольно любопытная (даже для современного читателя) книжечка с пометками Чаадаева сохранилась в библиотеке Пушкина (№ 540 по каталогу Модзалевского). Заглянув в ее оглавление, мы обнаруживаем в томе 1: мысли о религии, науке, истине, философии, о разуме и рассудке, природе, социальном строе, справедливости, суждения об истории; а в томе 2 — о бесконечном, мысли об ангелах, о страданиях...

«Так как в ней обо всем понемногу, то она, может быть, наведет Вас на удачные мысли», — написал Чаадаев по случаю посылаемой Пушкину книги Ансильона. Видимо, книга должна была досказать Пушкину то, что не успел сказать Чаадаев при личных встречах. Многие идеи этой книги созвучны материалам ДАР-а. Возможно, были и письма к Чаадаеву, в которых он откликнулся на книгу Ансильона. Мы не исключаем наличие чаадаевских бумаг и в материалах Донского Архива...

Идеи «Размышления» мы обнаружили в «Философических письмах» Чаадаева. Друзья, конечно же, обсуждали эти проблемы. Пушкин даже попытался издать 1-е письмо в 1831 году. Давайте откроем 4-е и 5-е письма и в очередной раз удивимся сходству идей в обоих документах.

«Как внутреннее ощущение нашей собственной природы, так и восприятие Вселенной, не позволяют нам постигнуть все сотворенное иначе как в состоянии непрерывного движения. Таково мировое действие».

...Всякое движение в природе производится двумя силами, возбуждающими в движимом стремление в двух противоположных направлениях, и в космическом движении эта истина проявляется всего явственнее. Вот две движущие силы Природы: Тяготение и Вержение (Начальный толчок).

...Движение в мире нравственном, как и движение в мире физическом — следствие изначального толчка, следовательно, то и другое движется, и в дальнейшем подчинены одним и тем же законам.

...Философы говорят: «Мир духовный можно познать так же, как и мир физический, измеряя величины духовные, как и материальные. Но превращая Высшее Существо в измерителя (вкладывая в руку Создателя циркуль), мы допускаем нелепость, мы лишаем Его свойственной Ему вечной природы... Философия всегда смешивала бесконечное с конечным».

О времени и пространстве Чаадаев высказался еще определеннее: «Бог времени не создал. Он дозволил создать его человеку».

В одной из заметок Чаадаева «О существах превыше себя» мы встретили имя Э.Сведенборга (1688—1772). В его книге «О небесах, о мире духов и об ангелах» сказано: «У ангелов нет ни понятия, ни мысли о

**Наказный атаман
Дмитрий Ефимович Кутейников.
Портрет работы
неизвестного художника.
Музей Донского казачества,
г. Новочеркасск**

времени и пространстве. Вместо них — изменения состояния. Ангелы понимают Вечность как бесконечное состояние, а не как бесконечное время... Для мысли нет пространства».

Откровения потрясающей философской глубины! Их отголоски мы встречаем и у Пушкина. Вспомним философский пассаж в начале VI главы «Пиковой дамы»:

«Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место».

Сравните с чаадаевской фразой о движении в мире нравственном и физическом. И становится ясной тональность «Дамы», подчеркнута усиленная нумерологическим фактором. Заметим, V глава «Пиковой дамы» начинается эпиграфом из Сведенборга, что указывает на знакомство Пушкина с его откровениями. Мистические моменты в этой маленькой главе, ее эзотерическая насыщенность и магиго-числовая привлекательность позволяют считать ее поистине «магическим кристаллом». И в этом смысле можно говорить об эзотерическом пушкиноведении. В одном из черновых вариантов «Осени» Пушкин отвечает на вопрос «Куда ж нам плыть?»:

Туда, где дразнят вечность пирамиды...

В письме к Пушкину Чаадаев упоминает египтолога Гюльнова, «потрясшего пирамиды». Пушкин же сопроводил эту строчку «Осени» рисунком фараона, восседающего на вершине пирамиды. Возможно, это был Гюльнов...

Да, простой анализ «Рассуждения» в системно-творческих координатах «Пушкин — Чаадаев — Аристотель — Гераклит» позволил бы специалисту ПД оценить достоверность документа из Архива Кутейниковых. К тому же хранителями был дан ключ к расшифровке пролога «У Лукоморья», тесно связанного с «Рассуждением». Назвав все это «сказками», а Рыбкина «сказочником, коих немало на Руси», Пушкина по всем законам жанра не пустили в Дом своего имени.

Кстати, серьезных исследований о философических воззрениях Пушкина в литературе о нем крайне мало⁴. В любом случае вклад И.М.Рыбкина бесспорен и по-настоящему еще не оценен. Не о таких ли подвижниках Пушкин сказал:

*Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленье!*
«Полководец», 1835

В этом стихотворении Пушкин мог вспоминать и о Д.Е.Кутейникове:

*Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу...*

Это о галерее героев войны 1812 года в Зимнем дворце, где портрет славного атамана представлен во всей его красе.

⁴ Отметим книгу А.Позова «Метафизика Пушкина» (Мадрид, 1967), переизданную в 1998 году в ежегодном издании Пушкинской комиссии в серии «Пушкин в XX веке», выпуск V.

Поэтическое дублирование научных работ, тщательно скрытых за символическими обозначениями, Пушкин осуществил в прологе к «Руслану и Людмиле». Повторяя в нем 15 раз таинственное слово «там» (то есть в Завещании), Пушкин в сказочном сюжете отразил своеобразное оглавление к 15 научно-философским работам, оставленным «У Лукоморья» (старинное название Приазовья). И в первом ряду среди этих работ стоит «Рассуждение о Вечности». Его символический смысл сокрыт в следующих строчках:

*У Лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том;
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит:
Там чудеса...*

Поразмышляйте над этими волшебными строчками, сравните их с философическими образами «Рассуждения» — вам откроются удивительные параллели, откроется тайна загадочной страны под названием «Там». Поразительно, но Пушкин нашел гениально простой способ с детства приобщить каждого из нас к своей «науке дивной». Жаль только, в зрелости познать это «волшебное дивное» не каждому из нас дано.

Раскроем символическое значение начальных строк пролога, согласно работе И.М.Рыбкина «Парадоксы гения».

Первое двустишие: в Приазовье до завещанного срока хранятся научные знания, способные пленить, как зеленый цвет природы.

Второе двустишие: настойчивый ученый неустанно изучает законы вечного кругового движения.

Третье двустишие: движение по ветви окружности направо, против часовой стрелки — «женского рода», а движение напротив, налево — «мужского рода». И к такому толкованию Пушкин приложил эскиз «златой цепи».

В прологе много загадочных мест. Например:

— почему «бурый волк» (а не серый); алчный хищник, и вдруг верно служит прекрасной царевне, и кто же эта царевна? И почему она в «темнице тужит»?

— почему именно «тридцать витязей прекрасных», кто они и кто такой «дядька их морской»?

— почему «о заре прихлынут волны» и что есть эта «заря»?

— почему именно «там русский дух, там Русью пахнет»?

И ответы имеются в Архиве. Например, на последний вопрос ответ таков: «Там в ритме повторилась Русь». «Там», то есть на Дону, в образе жизни Донского казачества, его социально-экономическом устройстве («станции — республики»), Пушкин увидел повторение прошлой общественной цивилизации и прообраз будущего обустройства России. Это заключительный цикл работ по философии истории, основанный на всех предыдущих «там» и «философических таблицах».

Заметим, эти исторические опыты Пушкина продолжил Н.В.Гоголь, в частности, в статье «План преподавания всеобщей истории»: «Всеобщая история в истинном значении... должна обнять вдруг и в полной картине все человечество. ...Все события мира должны быть так тесно связаны между собою, как кольца в цепи. Связь эта должна заключаться в одной неразрывной истории человечества».

Да, «там» действительно чудеса, которые мы по неведению принимаем за парадоксы гения...

В Пушкинском Доме хранители просили показать им

черновики пролога, но в этом им было вежливо отказано. И неспроста... Например, в черновике был «кот ученый, не схожий ни с одним котом». Ученые-пушкинисты оставили этот интересный факт без внимания и объяснения. Как, впрочем, и то, что пролог к «Руслану» был почему-то написан пять лет спустя, в 1825 году. Именно в этот период было написано и стихотворение «Движение». А строчка из стихотворения к лицейской годовщине 19 октября 1825 года — «Мы близимся к началу своему» — по-видимому, тоже навеяна «Рассуждением о Вечности».

Кстати, в послании лицеистам 19 октября 1836 года мотив кругового движения звучит еще определеннее и глубже:

*Вращается весь мир вокруг человека,
Ужель один недвижим будет он.
«Была пора, наш праздник молодой»*

Сравните с блистательной «вельможной» строчкой «И видишь оборот во всем кругообразный» — полное смысловое совпадение.

Наконец, потрясающее откровение самого Пушкина в «Сцене из Фауста», и тоже в июне—июле 1825 года:

*Мефистофель: Скажи, когда ты не скучал?
Тогда ль как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Фауст: Не растрепляй мне язвы тайной,
В глубоком знанье жизни нет,
Я проклял знаний ложный свет.*

Как тут не вспомнить евангельское: «Мудрость мира сего есть безумие перед Богом» (1 Кор. 3, 19—20).

Тогда что же есть Истина? Вопрос философский, как сказали бы теперь. Но еще в Одессе политик и богослов А.С.Стурдза (1791—1854) сказал однажды Пушкину: «Знаете ли вы, что в Евангелии... мы обретаем определение истинной свободы?» И Пушкин наверняка нашел ответ именно там: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8, 32). «Я есмь Истина», — сказал Христос. Последние фразы особенно любил повторять П.Я.Чаадаев. Ответ Пушкина в образах евангельской символики дан в стихотворении «Странник» (1835):

*...держишь сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг...*

А вот совсем неожиданное выяснение отношений поэта с метафизикой в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова» (12 августа 1825г.):

«Просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись: метафизического языка у нас вовсе не существует». Позже, в письме к А.А.Дельвигу от 2 марта 1827 года, Пушкин выскажется на эту тему так: «Бог видит, как я ненавижу и презираю немецкую метафизику... все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы...»

Есть основания предположить, что «Рассуждение» написано в «михайловском заточении» 1825 года, когда Пушкин погрузился в «пучину темную науки».

В завершение наших философических размышлений хотелось бы в духе Пушкина поговорить о «странных сближениях»: в разное историческое время, в, казалось бы, случайных обстоятельствах и событиях, с разными людьми. Их совпадения обусловлены одним — Провидением.

Сближение первое: Пушкин и Циолковский.

Из беседы о времени К.Э.Циолковского с А.Л.Чижевским в 1923 году (тезисное цитирование по книге: А.Л.Чижевский. «Аэроионы и жизнь. Беседы с Циолковским». М., «Мысль», 1999). До этого издания «Беседа о времени» нигде ранее не публиковалась.

1. Космос вечен и не сотворен когда-то и кем-то. Отсутствие времени в мире говорит о том, что Вселенная вечна. Вечность становится точной аксиомой.

2. На развалинах единого времени Мироздания появилась множественность времен. Никакой мгновенности и одновременности не существует, это проявление нашего крайнего невежества. Только в Библии время однажды остановилось («И клялся живущим во веки веков, что времени уже не будет» (Откр. 10, 6). Но время стоит, движутся только окружающие тела, и мы это движение принимаем за время.

3. Кончатся и материя, и время, и, возможно, про-

КНИЖНАЯ ЛАВКА «НИР»

НА КРУГАХ ПУШКИНСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Грандиозный замысел начинает воплощать в жизнь Ростовское на Дону общество «Пушкинская наука» (прежде всего в лице его основателя, писателя Валерия Михайловича Лобова). Последователи покойного хранителя легендарного (во всяком случае, для академического литературоведения) научного архива А.С.Пушкина — Ивана Макаровича Рыбкина* — в последние годы создали целую школу истолкования пушкинских творений в контексте мировой истории и науки. Согласно «Пушкинской науке», человеческая жизнь включает в себя 64 символических недели или круга; Александр Сергеевич прожил лишь 31. И вот вышла книга, по-

* См. о нем в «НИР», № 8, 1995.

священная 25-му кругу пушкинского бытия. Колоссальный массив дневниковых, мемуарных материалов, фрагменты художественных произведений особым образом объединены, в соответствии с замыслом составителей, в объемистом томе под названием: «ИСТОРИЯ ПУШКИНА. КРУГ 25. Рисуи Марию нам другую, с другим Пророком на руках» (М., «Полиграфия», 2000).

Вряд ли читатели согласятся со всеми выводами авторов книги. Однако можно с уверенностью сказать, что у них найдут поддержку проникнутые глубокой любовью к России попытки постичь пророчества, тающиеся в пушкинском наследии, и вера в неразрывность духовной истории (и предьстории) русского народа — от незапамятных «ведических времен» до XX века. И еще — непреклонная убежденность, что «Золотой Век России» уже наступает, несмотря ни на какие беды.

Книгу «История Пушкина. Круг 25...» можно приобрести в киоске «Науки и религии».

Иван Макарович Рыбкин.
Фото 50-х годов

странство. А что далее? У древних об этом говорилось очень вразумительно, ибо конец мирового круга существования сопрягается с началом, хотя и в других формах.

4. Время чуждо «чистой мысли» древних, хотя периоды и ритмы наполняют весь мир, но это — не время! Ведь пространство может быть периодически и ритмично благодаря проявлениям материи. Перед временем, как у разбитого корыта, стоял и Аристотель, и все доаристотелевские философы. Очень близок к этому представлению был и Гете: «Боги царят здесь в одиночестве. Вокруг них нет пространства, еще меньше времени».

5. Все в микрокосме подчинено строгим законам, еще более строгим, чем в макрокосме, законам, которые доступны человеческому разуму и познанию, а не только математическим формулам!

6. О возможном существовании истинной метрики природы говорит то, что мы называем закономерностями, охватывающими всю природу, сверху донизу, от атома до Галактики. Для этого мозг человека должен знать все. А это недостижимо.

Предметное обсуждение изложенной концепции Циолковского еще ждет своего часа. Во всяком случае, многие современные представления о времени (Пригожин, Ортега, Козырев, Вейник и др.), квантовой нелокальности и нелокальных системах, волновой математике и динамической геометрии (диалектике пространства) в ней так или иначе отражены.

Сближение второе: Пушкин и А.Ф.Лосев.

При следовании на Кавказ в мае 1829 года и возвратном пути в сентябре А.С.Пушкин посетил Новочеркасск, оставив наказному атаману самое заветное — Архив, в котором «наука дивная таится». Но своим пребыванием в славной казачьей столице Александр Сергеевич освятил рождение другого гения — Алексея Федоровича Лосева. Он родился в Новочеркасске в 1893 году, на Михайловской, 47 (бывшая Западная), недалеко от места квартирования Пушкина. Его работы «Античный Космос и современная наука» (М., 1927), многотомная «История античной эстетики» и другие лежат в русле обсуждаемой нами проблемы.

Сближение третье, еще более странное: Рыбкин и Солженицын.

Таганрог, 1956 год. Судьба сводит в этом загадочном городе И.М.Рыбкина, недавно принявшего от предыдущего хранителя Н.А.Кузнецова «Материалы Архива Кутейниковых», и вернувшегося из казахстанской ссылки А.И.Солженицына. Они снимают маленький домик, работая по ночам — каждый над своим сокровенным. Наверное, проявляют взаимный интерес к решаемым проблемам. И через много лет вторая часть солженицынского «Архипелага» будет озглавлена «Вечное движение», а сама эпопея одухотворена пушкинскими словами: «Вот верный брат его, герой Архипелага».

Думается, это навеяно воспоминаниями о той неожиданной и загадочной встрече.

Сближение четвертое, совсем уж парадоксальное: Пушкин и современное не-знание.

Уже в первой строке лукоморного пролога в обра-

зе-символе метафорического «зеленого дуба» Пушкин раскрывает силу знания. И вот совершенно случайно (конечно же, это была закономерная случайность) в одном из журналов нас привлекла лекция Нобелевского лауреата, физика-космофилософа С.Хокинга в Белом Доме (США) весной 1998 года «Наука в следующем тысячелетии». В ней читаем: «С точки зрения квантовой теории частицы могут двигаться со сверхсветовыми скоростями и даже иметь траектории с обратным ходом времени. Однако дороги, которые ведут во времени вспять, — это не то же самое, что танцы ангелов на булавке. Они наблюдаются реально. Можно представить себе пустое пространство, заполненное замкнутыми пространственно-временными кольцами. Они движутся вперед с одной стороны кольца и назад — с противоположной. Эти замкнутые кольца можно назвать виртуальными частицами. Их влияние можно обнаружить косвенным образом...»

А теперь предоставим слово хранителю знаний Пушкина в ДАР-е И.М.Рыбкину. Из письма 1988 года в редакцию журнала «Знание — сила» (и этот факт глубоко символичен) и в «Литературную газету»:

«Особь в цепи круга выглядит как период в ритме ей подобных, в ритме, не имеющем ни начала, ни конца. Это уже будет не предмет реально существующий, а Вечность».

Как вы понимаете, это предельно краткое, сжатое содержание пушкинского «Рассуждения о Вечности». Рыбкин использовал для формализации такого сложного физического явления, как пространство — время, понятие «особи» и законов вечного движения. Это было отражено в его заявке на открытие № 32-ОТ-5603 от 30 декабря 1966 года. В ней поражает сходство с космологическими идеями Хокинга — Сахарова и простота в описании такого сложного явления. Интересно отметить, что А.Д.Сахаров в одной из своих научных статей по аналогичной тематике приводит стихотворение Пушкина «Движение».

*Вот так Пушкин,
Своейравный гений,
Познал и тихий труд, и жажду размышлений...
И в просвещении стал с веком наравне.*

Напрашивается уточнение: с нашим, XXI веком наравне.

Дискуссия вокруг затронутых проблем не закончена. Этот спор будет вечен, как и сама проблема, как пленник Вечности Пушкин, размышлявший над ней и завещавший ее нашему веку. Воистину, прав был Карамзин, сказав, что поэт «платит дань своему веку, когда творит для вечности». Но Вечность не откроет свои тайны перед поэтом, если он не поднимется над веком.

Станица Мигулинская,
30 апреля 2000 года, Пасха

P.S. Автор выражает искреннюю благодарность Г.Н.Качуре за предоставленную счастлившую возможность работы с некоторыми архивными документами И.М.Рыбкина.

В оформлении использована работа Владимира Козлова (16 лет).

Народный коллектив изостудии «Радуга» — дипломант Международного Фонда А.С.Пушкина

4. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И ДОНСКОЙ АРХИВ ПУШКИНА

Вернемся к А. И. Солженицыну, раскроем его интерес к Донской тайне Пушкина, хранителям, и связанное с этим знакомство автора с Александром Исаевичем.

Работая с архивными материалами хранителя Рыбкина, автор обнаружил его письмо к дочери Татьяне, датированное 14 декабря 1962 г., в котором упоминается об А. И. Солженицыне, его пребывании в Таганроге после возвращения из казахстанской ссылки в июне 1956 г. В письме говорилось о совместном проживании Рыбкина и Солженицына в маленьком съемном домике, работе по ночам, каждый над своим сокровенным: Солженицын – над «Архипелагом ГУЛАГ», Рыбкин – с материалами Пушкинского Архива. Вероятно, обсуждали и спорили на разные темы. Можно предположить, что название гулаговской эпопеи Солженицына навеяно подобными ночными беседами с Рыбкиным и строками Пушкина: “Вот верный брат его, герой *архипелага*”. А вторая часть «Архипелага» озаглавлена “Вечное движение”, возможно, по названию основной философической работы Пушкина в ДАР-е «Рассуждение о Вечности» – своеобразном послании поэта-философа и пророка потомкам в XXI век. Истоки и подробный анализ «Рассуждения» приведены в статье автора «Пленник Вечности».

Копии упомянутых писем к дочери Татьяне и Макринова я передал в мае 1996 года А. И. С. через секретаря по имени Мунира. Она позвонила писателю и предоставила мне возможность переговорить с ним по телефону. Кратко изложив суть, я пошутил: «Вам привет от Рыбкина Ивана Макаровича 40 лет спустя». Александр Исаевич ответил: «Любопытно...» Сие действие происходило в московской квартире № 173 (169) в доме 12/8 на Тверской (он же № 2 по Козицкому переулку). Отсюда 12 февраля 1974 года Солженицына забрали на Лубянку в «Лефортово» и затем 13 февраля выслали в ФРГ с обвинением в измене Родине и лишением гражданства. 14 февраля 1974 года издан приказ об изъятии произведений Солженицына из библиотек. В 1989 году он был реабилитирован с возвращением гражданства, и 27 мая 1994 г. вернулся в Россию.

На следующий день мне позвонил Александр Исаевич, поинтересовался дальнейшей судьбой Архива, попросил держать в курсе событий вокруг него и пожелал “взглянуть хотя бы на один листочек”. Отвечая на его просьбу и пожелание, мной была передана через секретаря копия документа о приеме в дар от И. М. Рыбкина материалов из «Архивов Кутейникова и всего Русского» Ростовской научной библиотекой им. Карла Маркса в количестве более 15 тыс. наименований (фото 4.1, публикуется впервые). Опись книг и журналов по непонятным причинам не составлялась. Более того, благодарственное письмо получено через два года после приема Архива в 1966 г. (внезапной смерти Н. А. Кузнецова, в квартире которого хранились уникальные старинные книги, документы). Тоже странно...

А. И. С. переданы также копии машинописных документов (фото 5.1 – 5.2) из архива Рыбкина. Дальнейшая судьба подаренных библиотеке материалов неизвестна. Хотя некоторые из них периодически “всплывали” за рубежом.

1 октября 1994 года Солженицын, в рамках своего “турне” по России после возвращения на Родину, посетил Таганрог. Возможно, было желание встретиться с Рыбкиным, но хранитель умер 17 июня 1994 г. (о чем Солженицын не знал). В Таганроге А. И. С. пробыл несколько часов в окружении местной свиты и лишь на час попросил оставить его одного. Прошел по местам, которые ему были памятны и дороги. Об этом мне сообщила в письме журналист из Таганрога Елена Мирзоян. Как говорилось ранее, она первой рассказала об Архиве и его хранителях в журнале и газете МИГ. Елена Мирзоян умерла от рака 4 апреля 2019 г., честно и профессионально выполнив свой долг журналиста и патриота. Вечная память!

Так произошло моё первое знакомство (заочное, телефонное) с А. И. Солженицыным. В заключение этой части авторских откровений хотелось, будь жив сейчас Александр Исаевич, задать ему единственный “неудобный” вопрос: почему не дал ходу теме Донского Архива Пушкина и его хранителей в печати? Не дает ответа...

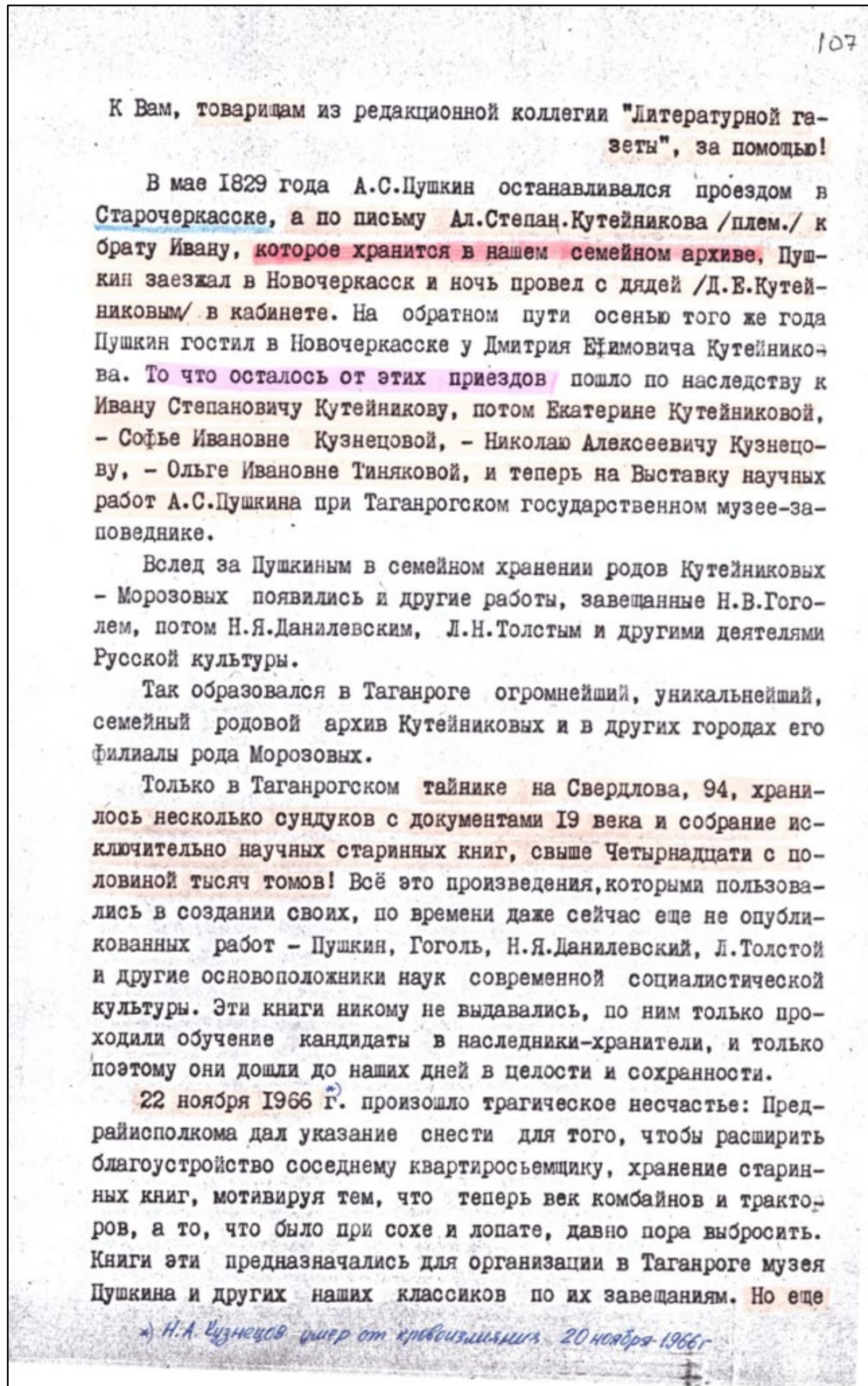

Фото 5. 1. Копия страницы из архива И. М. Рыбкина о тайном хранении в Таганроге.

при жизни хранителя Н.А.Кузнецова, на всякий непредвиденный случай я договорился с зам.директором по науке т.Бригадировым и оформил завещание Ростовской Государственной Научной Библиотеке.

Когда случилась беда, шли холодные дожди, в Таганроге все учреждения отказались даже на время приютить это собрание ценнейших книг, и РГНБ тоже отказалась их принять, ссылаясь на недостаток места. Потом согласились, если без описи и если Таганрогский Горисполком перевезет их в Ростов за свой счет. Зампредгорисполкома т.Иконникова отказалась предоставить транспорт и дала указание всем заведующим библиотеками города отобрать, что есть пушкинского в хранении "для чтения детишкам", остальное директору утильбазы принять в утиль, со сроком исполнения один день. На утро пришло человек пятнадцать "выбирать для детишек", но ничего не нашли подходящего. Начали выносить бумаги и жечь во дворе. /Главные документы тогда хранились уже в другом месте города/. По нашей просьбе профессор ТРТИ Г.В.Чефранов обратился к первому секретарю Горкома, и выбрасывание книг отсрочили только на три дня. В совете родового хранения при решении, что делать, голоса разделились поровну: одни за то, чтобы книги раздать активу-сторожилам города, другие, хоть и без передачи по актам, но как-нибудь перевезти в РГНБ. Пользуясь правом дополнительного голоса, как хранитель, я собрал общественников, и за три дня на трех большегрузных машинах за свой счет перевез книги в Ростов. Потом за это: полгода пришлось из пенсии в 57 рублей 20 коп. выплачивать долги, а обиженные сторожилы перестали здороваться, и до сих пор упрекают меня.

Всем известно, что любая старинная книга, даже бессодержательная, стоит не меньше 100 рублей. Значит $14500 \times 100 = 1450000$ /Одному миллиону 450 тысячам руб./ А эти научные, уникальнейшие, конечно, на много миллионов больше. И разве не заманчиво было в течение двух лет иметь такие ценности в бытовке навалом без актов приемки?! Это я напоминаю, как пример из прошлого. Дело в том, что оставшееся хранение по ценности превосходит потерянное. Это некоторые хорошо понимают и у них пробуждается алчность к возможности легкого обогащения.

Во исполнении завещаний А.С.Пушкина, мы наследники семейного родового хранения с указанного там, если по новому

Фото 5. 2 (продолжение). Копия страницы из архива И. М. Рыбкина о произволе и бездушии чиновников от власти и культуры по сохранению уникальных документов из Донского архива Пушкина (публикуется впервые)

Проницательного Читателя конечно же интересует вопрос о нынешней и дальнейшей судьбе ДАР-а. В 1999 году мне посчастливилось встретиться с одним из хранителей Архива, потомком по линии А. М. Евлахова (1880 – 1966), который также имел отношение к хранению ДАР-а. Он был сводным братом И. М. Рыбкина. Доктор филологии и психологии, первый ректор Ростовского университета после перевода в 1919 году Варшавского университета, проф. Евлахов А. М. высказался о Пушкине так, как о нем не говорил никто:

«Его (Пушкина. – Л. Д.) единство времени – вечность, его единство места – земной шар, его единство действия – человечество, он – Всечеловек».

// А. М. Евлахов. Пушкин как эстетик. Киев. 1909.

После совместного просмотра 2-х из 26 серий фильма «Неизвестный Пушкин» (автор сценария Г. Губачева, режиссер В. Логвинов, консультанты Е. Мирзоян и Л. Дода), созданного к 200-летию А. С. Пушкина, мной был задан хранителю единственный вопрос: «Архив жив?». Последовал ответ: «Куда же ему деться!». Следы хранения ведут в братскую Сербию. И слава Богу!

Главка «Солженицын и два загадочных Донских архива» из книги автора «Судьба Донских архивов Пушкина и Крюкова» впервые опубликована в электронном ежемесячном литературном журнале «Наша улица», август 2020 № 8 (249), издаваемом Ю. А. Кувалдиным (фото 5.3). За что приношу искреннюю благодарность уважаемому Юрию Александровичу.

Часть вторая

АРХИВ Ф. Д. КРЮКОВА И ЕГО ХРАНИТЕЛИ

5. «... АРХИВ – ЭТО МОЁ ВЕЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ЗЕМЛЕ»

В одном из последних писем Фёдора Дмитриевича Крюкова своему другу и соратнику Николаю Пудовичу Асееву [1] «наш светлый пророк» и «бытописатель Дона» (С. Пинус) оставил такие завещательные строки: «Коля, береги архив, он мне будет нужен. Это моё вечное поселение на земле. Там есть некоторые сведения, которые пригодятся кому-либо. Это на случай, если меня не будет» [2] (Фото 1).

Фото 1. Памятное фото другу и соратнику Н. П. Асееву от Ф. Д. Крюкова (г. Орел, Крюкову 33 года). Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, фонд Ф 014: Архив Крюкова. Оп. 1. Папка «Фотоматериалы»

Исполняя волю друга, Н. П. Асеев до самой своей смерти в 1952 году хранил Архив. Он одним из первых понял, что в Архиве сокрыта некая тайна, которую мы, потомки, до сих пор разгадываем (Фото 2).

«Фёдор Дмитриевич несомненно, унёс в могилу «Войну и мир» нашего времени, которую он уже задумывал, он, испытавший весь трагизм и всё величие этой эпохи на своих плечах», – написал С. Пинус в статье «Памяти Ф. Д. Крюкова» [3].

Речь о материалах к «большой вещи» Ф. Д. Крюкова – роману о Доне, казаках, «роковом обвале жизни» в 1917–1920 годах.

Ф. Д. Крюков писал: «...они вернулись, времена отжитых испытаний и мук, времена туги великой. Пришли и сели в “переднем” углу нашей жизни <...>. Стон, и вопль отчаяния оглашает знакомую ширь родного края...» [4]. Это о красном терроре и кровавом эксперименте по расказачиванию: предметном уроке нового социального строя, жестоком до беспощадности [5].

Фото 2. Ф. Д. Крюков (слева) с другом и соратником Н. П. Асеевым (г. Санкт-Петербург). Дом русского зарубежья, фонд Ф 014: Архив Крюкова. Оп. 1. Папка «Фотоматериалы»

В целом же, по замыслу Крюкова, в «большой вещи» предполагалось отразить российскую историю и действительность 1910–1920 годов в проекции на жизнь донской земли, «донское средостение» по А. Солженицыну. Подтвердим это предположение ссылками на воспоминания соратников Фёдора Дмитриевича, «проговорками» самого писателя.

Из письма Д. Ветютнева (Воротынского), одностаничника Крюкова, впоследствии прозаика, литературного критика, мемуариста 1 февраля 1917 года узнаём: «Помните, вы говорили, что собираетесь написать *большую вещь* на тему: казаки и война, что же – работаете? Но, пожалуй, частые сдвиги с одного места на другое мешают сосредоточиться над одной фабулой» [6] (Фото 3).

В письме Ф. Д. Крюкова к сотруднику «Русского богатства» А. Г. Горнфельду в апреле 1917 года читаем: «...чувствую, что соскучился по литературе. Материалом переполнен до чрезвычайности. Попробую засесть» [7].

В Новочеркасской газете «Вольный Дон» от 8 сентября 1917 г., № 127, с. 4 в заметке «По станицам» анонимный автор писал:

«...Ф. Д. Крюков *задумал написать роман* из казачьей жизни, где предполагает коснуться старины и нарисовать также и современную казачью жизнь» (Фото 4).

Пётр Степанович Маргушин вспоминал: «В сентябре 1918 года мне удалось бежать из Москвы (где я жил) на Дон, в Новочеркасск. Узнал, что редактором областной газеты «Донские ведомости» являлся Ф. Д. Крюков, известный не только на Дону, но и в России,

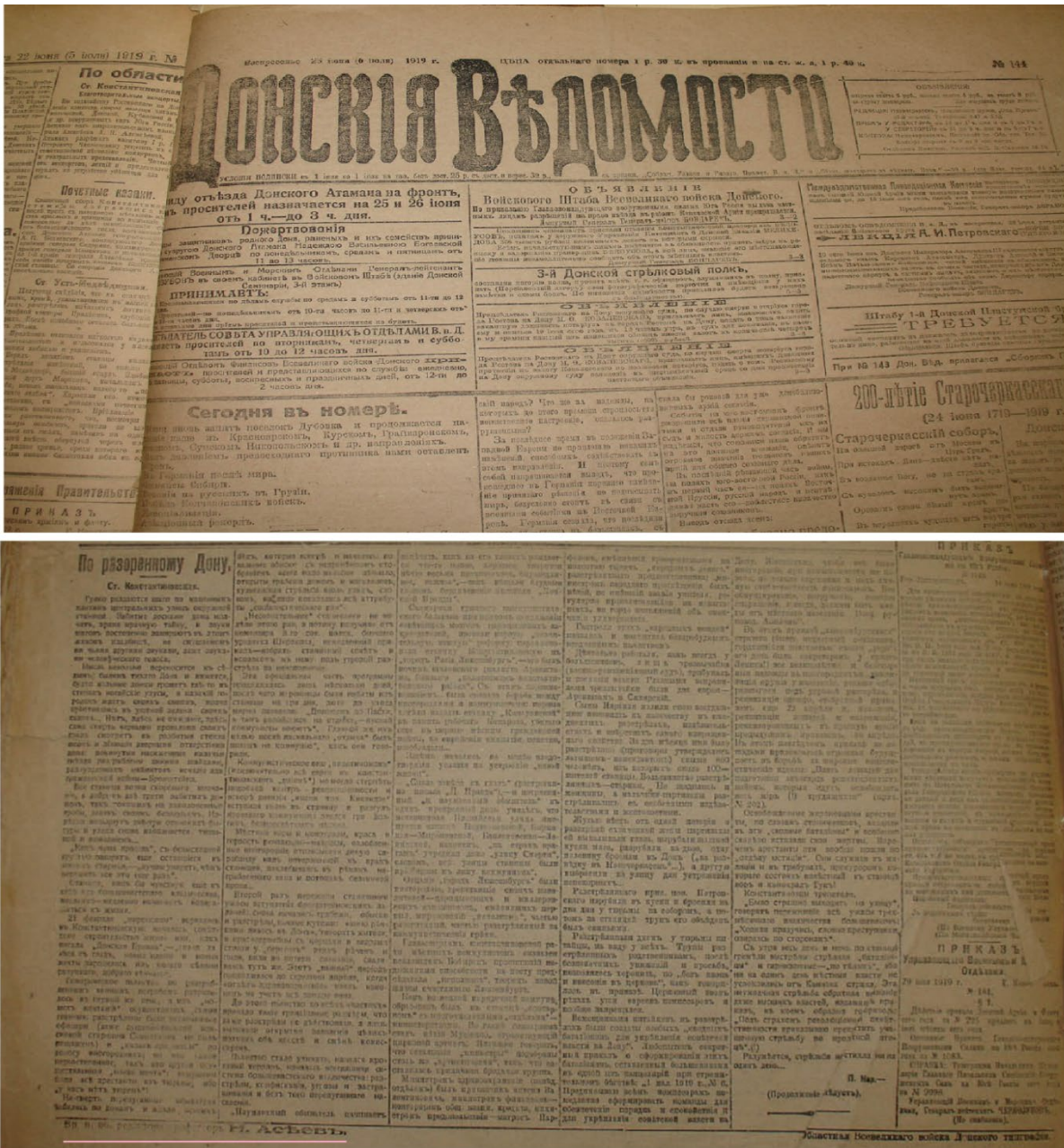

Фото 5. Фрагменты «Донских ведомостей» от 23 июня (6 июля) 1919, № 144 с очерком П. Мар. [Петра Маргушина. – Л. Д.] “По разорённому Дону”. Внизу пометка “Врио редактора профессор Н. Асеев”

Фёдор Дмитриевич Крюков с августа 1918 года проживал в Новочеркасске в доме Завьяловой на улице Атаманской 24. Летом 1919 года к нему приехали Асеевы. В 1920 году Асеевы переехали в дом на Песчаной 4, прожив в нём до весны 1922 года, затем уехали в Петроград.

4 (17) ноября 1919 года Крюков оставляет пост секретаря Войскового Круга, оставаясь во главе отдела осведомления и редакции «Донских ведомостей». 6 (19) декабря 1919 года Крюков уходит со всех постов, публикует в газете «Донская речь» одну из своих последних статей «Войсковой круг» [23]. Отмеченные датировки даны по работе А. В. Венкова “Федор Крюков в 1917-1919 годах” //Донской временник 2020. Вып. 29. С.114. Последняя редакционная статья Ф. Д. Крюкова “Единое на потребу” в «Донских ведомостях» датирована 21 декабря 1919 и звучит как реквием.

Наиболее вероятно, именно в это время перед уходом в отступ, он передал Н. П. Асееву тетрадь с материалами к “большой вещи” (возможно, несколько тетрадей) и часть архива на хранение. Другая часть, по-видимому, оставалась в Петрограде. Третья часть была в Глазуновской и уехала с ним в отступ в известном сундучке.

Асеевы стали хранителями архива Крюкова: до 1952 года – за архив отвечал Николай Пудович Асеев [1]. С 13 июня по 22 ноября 1919 года он временно исполнял обязанности редактора «Донских ведомостей». Крюков в это время до 22 октября находился в Глазуновской.

После смерти дяди хранительницей архива Крюкова стала его племянница Мария Акимовна Асеева, владевшая Архивом до своей смерти 18 января 1990 года.

«Вся беда в том, что архив Крюкова оказался раздробленным» [9, с. 250].

Например, так называемая «заветная тетрабочка» (по выражению Солженицына [10, с. 71]) с материалами к «большой вещи» Ф. Д. Крюкова хранилась в доме профессора Военно-медицинской академии Покровского в Царском Селе под Ленинградом (личность Покровского мне установить не удалось. – Л. Д.).

«Были люди, которые хотели купить его [архив. – Л. Д.]. Мария Акимовна отказывалась. Часть его отдала своему родственнику в Пятигорск [Д. Хованскому. – Л. Д.], часть (и довольно значительную) – Солженицыну, что-то Проскурину, что-то художнику Вильяму Куинджи, что-то хранила в Пушкине у своих близких (как она говорила, это была рукопись к «Тихому Дону») ...Короче говоря, всё было разбросано. В результате, когда Мария Акимовна собралась передавать архив в Ленинскую библиотеку, многого уже не доставало. Да и как она передавала? Несерьёзно к этому отнеслась, – вспоминала Лидия Андреевна Новак. Даже не знала, что у неё берут. Рассказывала мне: «Я передавала туда ящиками, а мне присылали тоненькие папочки переписанных материалов» [9, с. 250].

6. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И АРХИВ Ф. Д. КРЮКОВА

А. И. Солженицын познакомился с архивом Крюкова в 1969 году. О том, как архив оказался у Солженицына известно из его очерков литературной жизни «Бодался телёнок с дубом» [10].

«Привезли – не в собственность, а на разборку – весь оставшийся от Крюкова архив. А *тетрабочку*, мол, – потом...Мы уж и не настаивали. Мы и так получили богатство большое» [10, с. 72].

Александр Исаевич открыто признался, что воспользовался материалами из архива Крюкова:

«Я так был полон налитым, что потерял способность абсорбции. И интересно было в Крюкова вникнуть, и уже не помещалось никуда. Люше [Елене Чуковской. – Л. Д.] пришла счастливая мысль, сразу мной принятая: Крюков – автор ли он «Тихого Дона», не автор – взять себе персонажем в роман, так он ярко, интересен, столько о нём дополнительного материала. Какой прототип приносит с собой столько написанного. Я – взял и правда: для сколького ещё места нашлось! И как потяжливо: в донскую тему войти не собственной неопытностью, но через пострадавшего дончака» [10, с. 72].

И ещё: «Когда же я некоторые лучшие крюковские места стянул в главу «Из записок Фёдора Ковынёва» – получилось ослепительно, глаз не выдерживает» [10, с. 73].

Поступи подобным образом М. А. Шолохов – проблема авторства (соавторства) «Тихого Дона» была бы снята. А вот спор двух Нобелевских лауреатов с Дона едва ли разрешился и негласно на виртуальном уровне продолжается до сих пор.

Вдумчивый Читатель, необремененный изысками шолоховедов или их оппонентов, обнаружит в «Тихом Доне» Крюковские «вкрапления», сюжетные нестыковки, провалы в повествовании, идеологические вставки, стилевые диссонансы, особенно в метафорических пейзажных зарисовках.

Возьмем, для примера, описание степи и родимого края в «Тихом Доне»:

«Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, ковыльный простор с затравелым, гнездоватым следом конского копыта, *курганы в мудром молчании*, берегущие зарытую казачью славу. Низко кланяюсь и по - сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей не ржавеющей кровью политая степь!» (ТД: III, 6, VI).

Ох и досталось же Михаилу Александровичу от «лютых» РАПП-овцев в 1929 г., узревших в этой метафорической картинке "крюковский след" из «Родимого края»:

«...*Молчанье мудрое седых курганов*, и в небе клетот сизого орла, в жемчужном мареве виденья зипунных рыцарей былых, поливших кровью молодецкой, усеявших казацкими костями простор зеленый и родной ... Не ты ли это, родимый край?»

Ф. Д. Крюков. Край родной // Донская волна. 26 августа 1918 г. №12. С.1.

Сравнительный анализ лирико-философского описания родимой степи (родимого края), «*мудрого молчания курганов*», политой кровью молодецкой степи, обнаруживает полное совпадение фабулы и ее метафорического обрамления, указывая на общий авторский источник от Ф. Д. Крюкова.

Если же заглянуть в рукопись 6 главы 6 части «Тихого Дона», хранящейся в Пушкинском Доме, невольно захочется понять – в каких "творческих муках" рождался этот пейзаж. Заключительной правкой (рукой Шолохова) была потрясающая по философской глубине метафора – "*курганы в мудром молчании*". Крюков пришёл на помощь...

Попутно отмечу, 137 страниц автографов «Тихого Дона», в том числе упомянутой 6 главы 6 части, и 110 страниц машинописи с правками М. Шолохова, переданы с согласия М. А. Шолохова 24 июня 1975 г. шолоховедом К. Приимой в Пушкинский дом [*Прийма К. И.* С веком наравне: статьи о творчестве М.А. Шолохова. Ростов н/ Д. Кн. изд-во.1985. Изд. 2-е дополненное. 240 с]. До этого в течение 7 лет с 1968 по 1975 год рукописные страницы Шолохова хранились в квартире К. И. Приимы. «Оранжевая папка» со 137 страницами рукописи «Тихого Дона» летом 1968 года была лично передана Шолоховым Пушкинскому Дому на его московской квартире в присутствии жены Марии Петровны и секретаря П. Е. Чукарина. Таким был "изящный" ответ М. А. Шолохова, подсказанный К. И. Приимой, на публикацию в 1974 г. за рубежом в Париже работы И. Н. Медведевой-Томашевской «Стремя "Тихого Дона"» [11].

Замечу, триединый метафорический образ «курган – степь – орел» обнаруживается и в 34 главе «Поднятой целины», но с пейзажными и географическими странностями:

«Они не связаны ни с настроением главы, ни с окружающими событиями. Их можно перенести в любое место – и также будут стоять! Пейзажи свободно переставляемы!»

(*А.И. Солженицын.* По Донскому разбору).

Продолжение разбора 34 главы «Поднятой целины» выявляет новые загадки:

«Осенью кажется, что величаво приосанивающийся курган караулит степь. Летом, вечерними зорями на вершину его слетает из подоблачья беркут. До заката солнца еще не раз серая тень его царственных крыл перечеркнет степь. Куда унесут его знобящие осенние ветры? В голубые предгорья Кавказа? В Муганскую степь ли? В Персию ли? В Афганистан?». Ослепительный по красоте и метафоричности пейзаж! Чувствуется рука большого мастера.

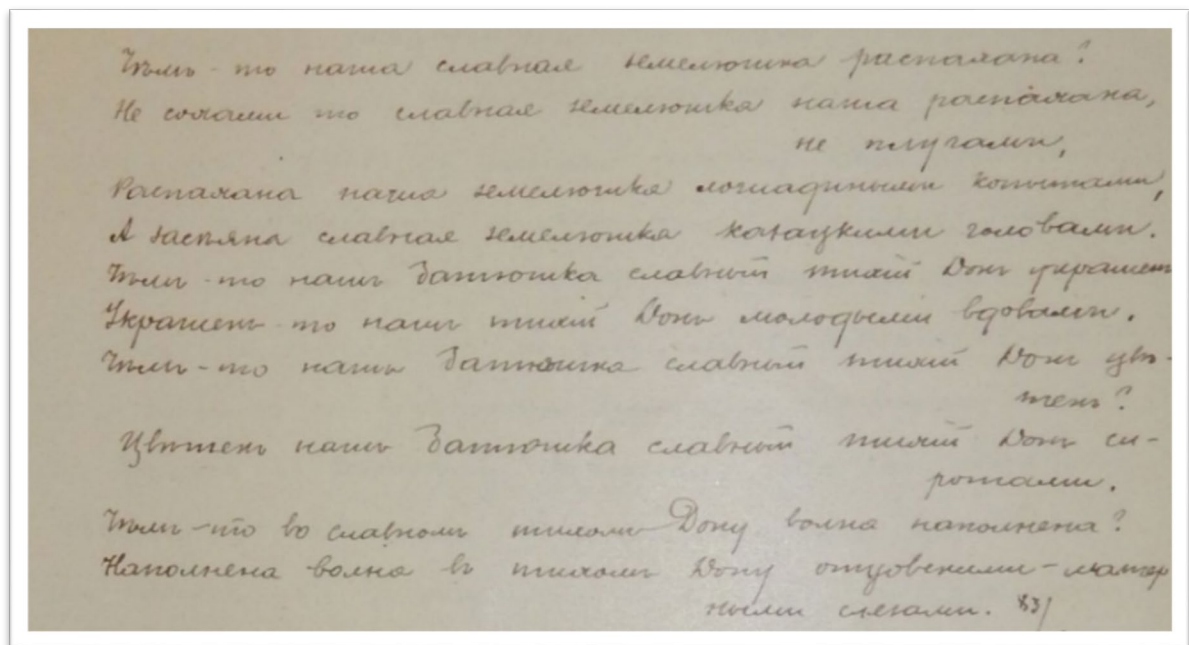
Что могло связывать донскую степь с загадочным маршрутом беркута? Ответ, по-видимому, следовало искать у Ф. Д. Крюкова. Исследователь Зеев Бар – Селла (Назаров) высказал блестящую догадку о связи привнесенного из Крюковских материалов (пока не проявленных) эпизода с биографией Л. Г. Корнилова. В частности, «голубые предгорья Кавказа» символизируют «Ледяной подход» Добровольческой армии под командованием генерала Корнилова и его смерть при штурме Екатеринодара. В «Тихом Доне» это сон генерала Корнилова (ТД: II, 4, XVI). Нагульнову же в «Поднятой целине» даже в сказочном сне не могли привидеться подобные путешествия. Это к вопросу о некорректных заимствованиях и авторском произволе М. Шолохова.

Как истинный мастер слова, Ф. Д. Крюков в своих произведениях неоднократно использовал прием «исторических параллелей», отображая современную ему действительность, настроение героев, колорит донской природы:

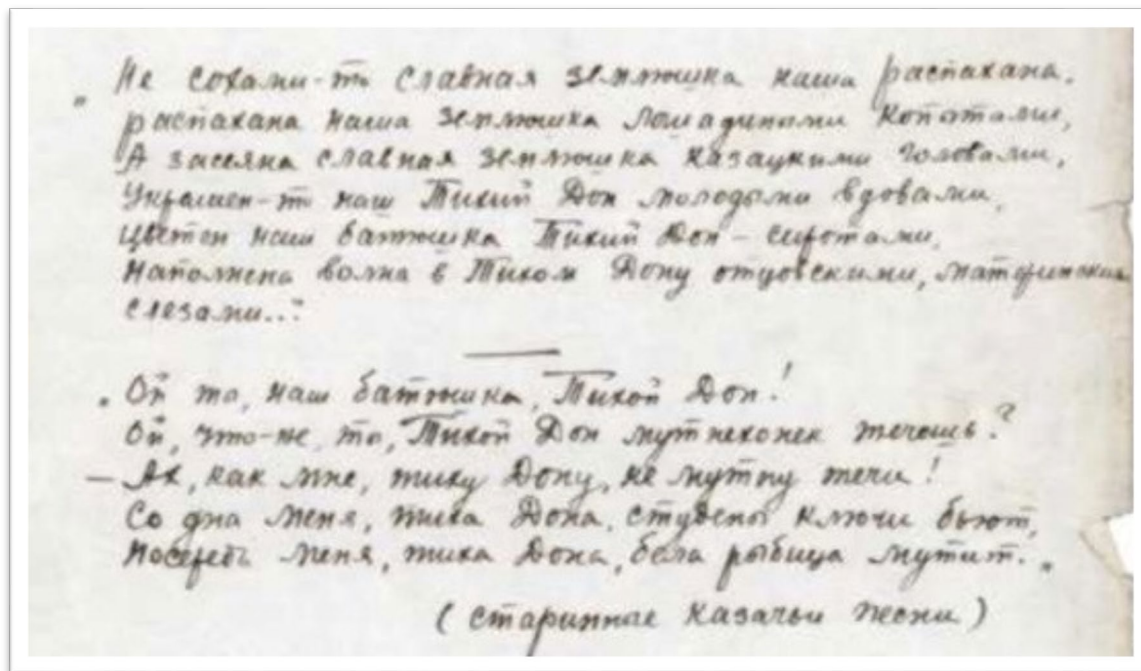
«В моменты тяжких испытаний мысль невольно обращается к прошлому, в нем ищет поучительных указаний, в нем надеется почерпнуть подкрепление усталых надежд на лучший день грядущий...».

Ф. Д. Крюков. 29 января 1918 года-29 января 1919 года // Донские ведомости. 29 января (11 февраля по новому стилю) 1919 г.

Аналогичная семантическая и метафорическая параллель обнаруживается в казачьих песнях в рукописях «Булавинского бунта» и «Тихого Дона» (фото 6). Замечу, песня «Земелюшка...» встречается в четырех работах Крюкова, например, в [4, с. 215].

Фото 6.1. Старинная казачья песня в завершении рукописи «Булавинский бунт» Ф. Д. Крюкова.

Фото 6.2. Эпиграф из старинной казачьей песни в рукописи «Тихого Дона». Для сравнения с аналогичной песней в «Булавинском бунте» на фото 6.1.

Сбылось пророчество Крюкова относительно своего архива: «...Там есть некоторые сведения, которые пригодятся кому-либо. Это на случай, если меня не будет» [2].

Пригодились: и М. А. Шолохову с соавторами в работе над «Тихим Доном», и донскому писателю Д. И. Петрову–Бирюку в романе «Дикое поле» (1941), и А. И. Солженицыну в «Красном колесе», и литературоведу И. Н. Медведевой-Томашевской в исследовании «Стремя “Тихого Дона”» [11]. В этом, отнюдь, не посягательство на литературный авторитет названных авторов. Проблеме авторства «Тихого Дона» посвящены сотни работ. Из них отмечу и выделю серьезные исследования М. Т. Мезенцева, А. Г. Макарова, А. В. Венкова, А. Ю. Чернова, А. А. Зайца, Зеева Барселлы (Назарова) и др.

Для работы над «Стременем» Ирине Николаевне потоком шли материалы из Архива Крюкова, передаваемые Марией Акимовной Асеевой через помощников Солженицына [10, с. 70–72]. Но мудрая Ирина Николаевна, за месяц до своей загадочной смерти в августе 1973 года, в письме к Солженицыну сообщала:

«Дело ведь не в разоблачении одной личности и даже не в справедливом увенчании другой, а в раскрытии исторической правды, представленной великим документом, каким является изучаемое сочинение» (речь о Шолохове, Крюкове и романе «Тихий Дон». – Л. Д.) [12]. Вот образец честности и порядочности настоящего исследователя, коим являлась И. Н. Медведева-Томашевская [13].

Архив Крюкова, с которым работали А. И. Солженицын и его помощники, составил основу Фонда 014 в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ещё до его описания мне удалось поработать с материалами Архива и обнаружить ряд любопытных документов. Среди них воспоминания и записи Марии Акимовны Асеевой, Елены Цезаревны Чуковской (основной помощницы Александра Исаевича), Ю. А. Стефанова («Донец» в предыстории «Стремени»), самого Ф. Д. Крюкова.

Очень ценные записки об Архиве от 12 февраля 1992 года оставила Е. Ц. Чуковская [15], разобравшая, обобщившая и систематизировавшая материалы, которые передала Мария Акимовна А. И. Солженицыну (А.И.С.). Опись переданных материалов составил Ю. А. Стефанов («Донец»), картотеку – Е. Ц. Чуковская.

В частности, в одном из блокнотов обнаружена запись Е. Ц. Чуковской (Фото 7.1): «После разборки полученный Архив был разделён на 3 части;

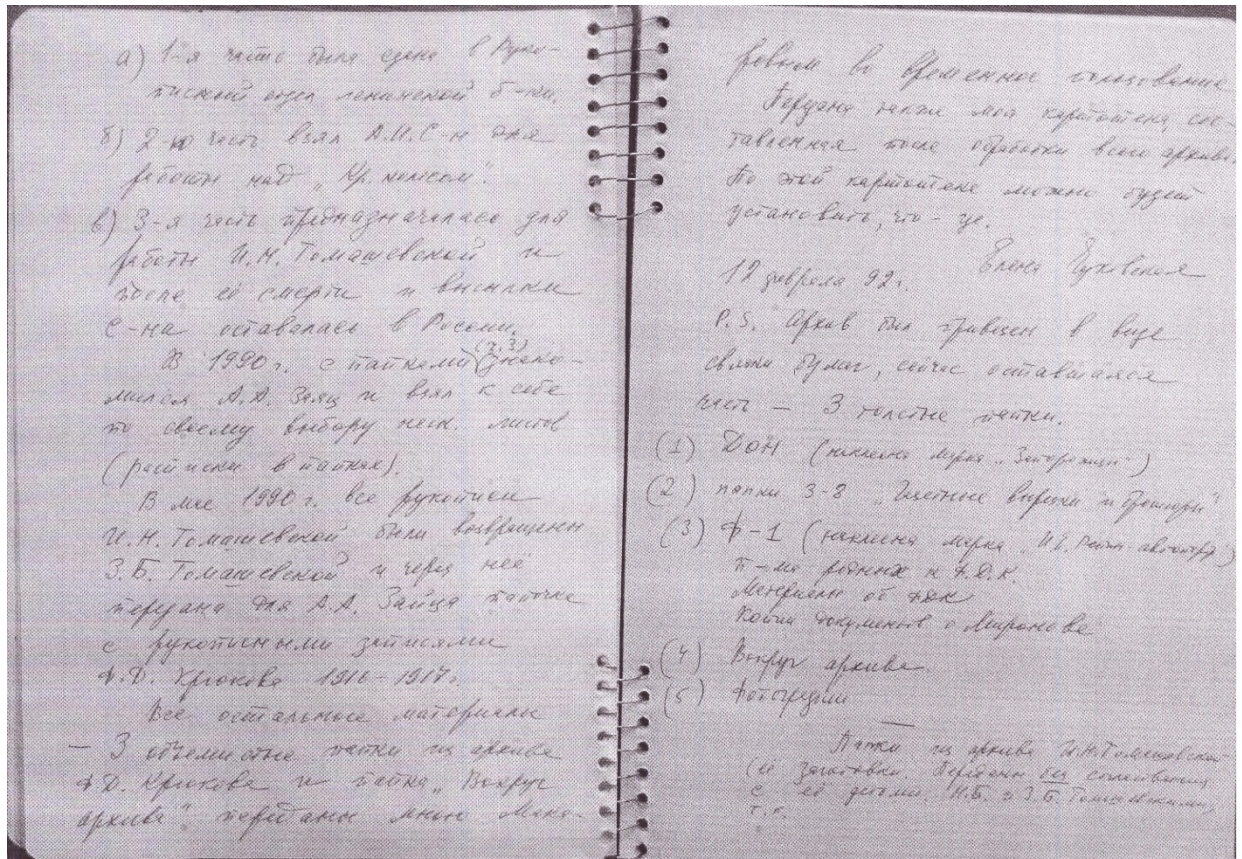
а) 1-я часть была сдана в рукописный отдел Ленинской библиотеки;

б) 2-ю часть взял А. И. С. для работы над «Красным колесом»;

в) 3-я часть предназначалась для работы И. Н. Томашевской и после её смерти и высылки Солженицына осталась в России.

В 1990 г. с папками (ч. 3)знакомился А. А. Заяц [16] и взял к себе по своему выбору несколько листов (расписки в папках). В мае 1990 г. все рукописи И. Н. Томашевской были

возвращены З. Б. Томашевской [17]. Через неё передана для А. А. Зайца папочка с рукописными записями Ф. Д. Крюкова 1916–1917 гг. Три объемные папки из Архива Ф. Д. Крюкова и папка «Вокруг Архива» переданы мною во временное пользование Макаровым [18]. Передана также моя картотека, составленная после обработки всего Архива. По этой картотеке можно будет установить, что-где» (Фото 7.1).

Фото 7.1. Блокнот с записями Е. Ц. Чуковской 12 февраля 1990 о структуре Архива, передаче документов, папок с материалами заготовок для исследований И. Н. Томашевской и картотеки после обработки всего Архива во временное пользование А. А. Зайцу, Андрею и Светлане Макаровым. Дом русского зарубежья, фонд Ф 014: Архив Крюкова. Оп. 1. Папка «Вокруг архива»

Некоторые фамилии и персоналии в материалах фонда Ф014 ждут своей разгадки.

Так, в одном из документов упомянут “*Капитон Яковлевич*”. Представился референтом Шолохова, «сулил Асеевой обеспеченную старость и все блага жизни за тетрадку» (Фото 7.1). Мария Акимовна ответила ему, что «тетрадки у неё никогда не было – всё сжёг отец». Он же рассказал Асеевой о выступлении в Ростове профессора (Р. А. Нелепина. – *Л. Д.*), который написал и собирается издать монографию о донском казачестве, в том числе, о Крюкове (Фото 7.2). Вопрос: откуда Капитон Яковлевич мог знать о «тетрадке»?

«*Полухина Ариадна Николаевна* от Капитона Яковлевича». Установлено: Полухина А. Н., внучка известного Петербургского архитектора Полухина, преподавала в Институте живописи имени Репина. Об Архиве узнала от З. Б. Томашевской и П. С. Косова, обучавшегося в Ленинграде в этом институте на факультете истории и теории искусств. Эпизоды его встреч с М. А. Асеевой описаны в послесловии книги Л. Н. Малюковой [14]. Интересен эпизод с «Памятной книжкой Области войска Донского на 1907 г. (? – *Л. Д.*)», в которой на одной из страниц рукой Крюкова красным карандашом подчеркнута фамилия “Мелихов”. Эта фамилия также встречается в его рассказе «Шаг на месте» с посвящением Н. П. Асееву [Русское богатство. 1907. №5. С. 46 – 108]. Любопытное сравнение: в рассказе Крюкова «Шаг на месте» «... вахмистр *Мелихов* улыбался лишь *одними глазами*», в рукописи «Тихого Дона» заботливая рука редактора (Серафимовича (?). – *Л. Д.*) подправила: «... Штокман смеялся *одними глазами*».

Имеется запись: «Из Тархан (музей Лермонтова) *Куинджи Вильям Константинович*, от Мануйлова». С В. К. Куинджи (1930-2009), художником, краеведом, исследователем жизни и творчества Лермонтова и Крюкова, мне довелось несколько раз встречаться и душевно беседовать в Новочеркасске на разные темы, в том числе о Крюкове, Солженицыне, донской истории. Он также подтверждал существование «тетрадочки».

Сегодня материалы Архива Крюкова находятся в разных учреждениях: в Москве (Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ), Российский государственный архив литературы и искусства, Российская государственная библиотека, Закрытый фонд ФСБ), в Санкт-Петербурге (Институт русской литературы, Пушкинский дом), в Музее истории донского казачества в Новочеркасске, в краеведческом музее города Серафимович (до революции станица Усть-Медведицкая), а также в частных собраниях в России и за границей.

Однако самое интересное – «заветные тетрадочки» с материалами к «большой вещи» Ф. Д. Крюкова – по-прежнему находятся за “семью печатями”.

Когда прозвучало письмо, то оказалось, что оно
 написано в стиле Шкуратова!
 Прихожу еще одну утку Шкуратова
 и уже давно тому назад я писал
 Вам несколько писем и не получил
 ответа я считаю, что с Вами у меня
 конечно, не начинался"

Трусман и Асеевой Капитон Яковлевич
 (кто это такой? фамилия?), кажется
 бо он резидент Молоховец?

Суди Асеевой объяснению старая и
 все еще несут за метрону. Асеева
 отвечает, что метрону у нее никогда не было
 - все спешит отцу. Но сейчас она совершенно
 в шрамах - пропала и забыта не все некуда.

Точно письмо Шкуратова без ведома
 Асеевой - письмо с адреса сразу "Брэнно
 ценится крайне
 Катана

В Ростове ^{недавно} кто-то (?) собирается напечатать
 монографию о донском казачестве и в том
 числе о Крюкове. Вспомнил "Кор-То"
 профессор (?) ~~какая-то~~ и рассказ о
 том, что Тихий Дон написал Крюков -
 это перепечатка Асеевой Капитон Яковлевич

Фото 7.2. Копия документа из Архива Крюкова. Запись сделана Натальей Алексеевной Кручининой для А. И. Солженицына. Речь о письме П. И. Шкуратова (одностаничника Крюкова, бывшего с ним в отступе) к М. А. Асеевой с просьбой передать ему некоторые документы из Архива. Личность Капитона Яковлевича установить не удалось. Дом русского зарубежья, фонд Ф 014: Архив Крюкова. Оп. 1. Папка «Вокруг архива»

Работая с материалами Архива Крюкова в Доме русского зарубежья еще до его описания и систематизации, мне удалось обнаружить ряд любопытных документов, связанных с П. И. Шкуратовым, одностаничником Ф. Д. Крюкова, ушедшим с ним в отступ в январе-феврале 1920, но вернувшимся на Дон. Его «Воспоминания о Ф. Д. Крюкове» проливают свет на некоторые стороны жизни Крюкова в разные периоды. Однако к ним следует относиться осторожно, проверять и сравнивать с другими

источниками. В этом контексте на фото 7.2; 7.3; 8 приведены копии записей для А. И. Солженицына из письма Н. А. Кручининой с оценками и отзывами М. А. Асеевой, М. Д. Крюковой и др. Речь идет о письме П. И. Шкуратова к М. А. Асеевой с просьбой передать некоторые документы из Архива Крюкова для использования в задуманном им 4-х томном романе «Павел Курганов» (фото 7.3). К сожалению, рукопись романа утрачена, но с некоторыми главами из первых 2-х томов знакомились исследователь биографии и творчества Ф. Д. Крюкова В. М. Проскурин и краснодарский писатель Г. Г. Степанов.

ШКУРАТОВ Прохор Иванович (1885 (?) - 1973), родился в станице Глазуновской Области Войска Донского, сын глазуновского священника. Не получив начального образования, упорно занимался самообразованием. В 1908 — вступил в Партию народных социалистов. В январе-феврале 1920 был в отступе вместе с Крюковым. В 1920 — участник повстанческого движения в Поволжье как редактор газеты "Вольный Гражданин". С весны 1921 — после разгрома восстания перешел на нелегальное положение, год жил по чудим документам. В марте 1922 — добровольно явился в Киевскую ЧК, был арестован, отправлен в Москву и заключен в Сокольническую тюрьму. 5 октября приговорен к 5 годам тюремного заключения. 28 декабря 1922 обратился в Московский Комитет политического красного креста (МКПКК) с заявлением (см. далее).

По автобиографическим «Воспоминаниям» Шкуратова, он в сумме за 5 арестов отсидел в советских тюрьмах и лагерях 18 лет («долгий житель ГУЛАГ-а», по выражению Солженицына в «Стремени “Тихого Дона”»). Реабилитирован. Умер в 1973 году в доме престарелых инвалидов в поселке Большаново, Калининградской обл.

Из обращения П. Шкуратова в МКПКК

<28 декабря 1922>

« <...> Судился я за то, что во время повстанческого движения в Поволжье в конце 1920 и начале 1921 годов, в движении, которое возглавлялось моим двоюродным братом Поповым, а по лозунгам, характеру и времени было аналогично "кронштадтскому мятежу" — был редактором газеты "Вольный Гражданин" и Председателем Революционной пятерки. Когда весной 1921 года движение было ликвидировано, я перешел на нелегальное положение и под вымышленной фамилией почти год жил в различных местах России. В конце марта 1922 года я было решился уйти за границу, но с самой границы Польши вернулся и добровольно явился в Киевскую Чрезвычайную комиссию, которая направила меня в Москву во ВЧК. В заявлении невозможно указать на всю ту сложность причин, как субъективного, а также и объективного характера, бросавших меня от вооруженной борьбы с Советской Властью к добровольной явке, — ограничусь только тем, что и наблюдения во время процесса борьбы моей, и переоценка событий и политической линии поведения во время нелегального пребывания, а также — разговоры в высших политических сферах об образовании единого демократического фронта, — все эти причины заставили меня осудить способы "вспышкопускательства" и согласиться, что мирное строительство России, в котором она так нуждается, возможно в данное время и при наличии существования Советской Власти. Учитывая Правительственные декреты, воззвания и распоряжения, в которых определенно говорится о полном забвении увлечений повстанцам, добровольно явившимся, я думал, что работа в России для меня найдется, и что ни в какой мере Советская Власть за прошлое мстить не намерена. Вот главные причины, заставившие меня добровольно отдаться в руки Советской Власти.

Получив 5 лет строгой изоляции, я не обижаюсь на строгость приговора, по той причине, что юридически, если рассматривать мое преступление, то кроме 69 и 76 ст < атей > Уголовного Кодекса, по которым я осужден, можно бы и еще добавить несколько и усугубить мою вину. Свое сидение в тюрьме я считаю бессмысленным, т. к. меня "не исправит" насильно ни одно учреждение и никто, и ничто, кроме самого же меня. Не имея здесь в Москве родных, которые бы за меня хлопотали, а также, будучи не знаком с

декретами и распоряжениями Правительства о добровольно явившихся, я прошу Вас в этом смысле оказать мне юридическую помощь, т. е. ходатайствовать о моем освобождении из тюрьмы <...>.

В следственном материале есть данные, что за свою социалистическую и партийную работу я сидел по царским и денкиным тюрьмам, чем устраняется всякая мысль о моей контрреволюционности. Если недостаточно для Вас судебная установка моей партийной принадлежности и политической сущности моего преступления, то добавляю, что начал свою работу под руководством Донского Народника – писателя Федора Дмитриевича Крюкова, был членом первого Ревкома на Дону, сотрудничал в эсеровской газете "Голос Донской земли", редактируемой старейшим членом учред<ительного> собрания, шлиссельбургцем Швецовым, был членом Демократического совещания, на котором был избран в Верховный Военный совет при министре Верховском, и как член этого совета пользовался правом совещательного голоса в Предпарламенте <...> » // ГАРФ. Ф 8409. Оп. 1. Д. 5. С. 311-312.

В письме Шкуратова к М. А. Асеевой (в пересказе Н. А. Кручининой, прочитавшей это письмо) он пишет, что похоронил Ф. Д. и приводит его слова перед смертью (фото 7.2): “Ты обязан не допустить, чтобы я был забыт. Я ведь первый тебе ещё “сопляку” пророчил: быть тебе сочинителем”.

Мария Дмитриевна (М. Д., сестра Крюкова. – Л. Д.) и Шура (Александра Григорьевна Крюкова, урожденная Чебакова, жена брата Александра Дмитриевича Крюкова. – Л. Д.) гнали меня от него умирающего, но он гнал их: “Мне надо всё ему успеть сказать”.

Всё это М. А. (Асеева. – Л. Д.) отрицает и говорит, что если бы все они перед смертью были около Ф. Д. – «Тихий Дон» к Шолохову не попал (фото 7.3).

В другом отрывке из письма Н. А. Кручининой говорится (фото 8): “В Новокорсунской 2 недели болела печень (?), но Ф. Д. ещё ходил. Поговаривали женщины о Франции. Крюков, Шкуратов хотели оставаться в России. С ними ехало несколько сундуков. Но ничего Крюков о них не говорил при болезни Шкуратову. М. Д. : это архив”.

Александра Григорьевна умерла в 1953. У неё остались рукописи Ф. Д. Теперь они у Дмитрия Крюкова в Ростове (Дмитрий Александрович Крюков, племянник Ф. Д.. – Л. Д.)”. Судьба этих рукописей интересна. По наводке ростовского шолоховеда К. И. Приимы и “просьбе” КГБ в 1974 году они были выкуплены (за символическую цену 500 руб.) у Д. Крюкова, переданы в ГАРО, далее КГБ, партийный архив ЦК, и в конце, изрядно профильтрованные, оказались в ИМЛИ (их анализом занимался д-р А. М. Ушаков).

Историю с “сундучком”, в котором хранились Крюковские рукописи, их судьбе, первым поведал М. Т. Мезенцев в своем исследовании «Судьба романов». Замечу, примерно по такой же схеме (по умолчанию – “просьбе” КГБ) 1-я часть Архива Крюкова (см. фото 7.2) была передана М. А. Асеевой в рукописный отдел Ленинской библиотеки. Он обработан в 1978 году и составил 8 картонов, 585 единиц хранения, 5778 листов /опись фонда Крюкова № 654 в РОГБЛ. Этому же примеру последовал и П. И. Шкуратов незадолго до своей смерти в 1973 году...

Роман Шкуратова 4-х томов "Павел 2
Курганов", эта работа посвящена статье
в свое время - из книги Писемников
и одобрил.

Шкуратов не видел Крюкова с 1912 по 1917 год
(по Шкуратову), но уверяет в письме, что
исхоронил Ф.Д. и привозит его снова после
смерти "Писемников не догадался, что
я был убит и я все время ждал, когда
явится "согласие" Крюков: "Тогда тогда
явится согласие".

Мария Дмитриевна и Шура знают, что
он не умирал, но он был их;
"Мне надо все смириться".

Все это МА отряхивает - она знает
то самое все это через смерть Шуры
до своего Ф.Д. "Писемников" к Маше
он не пошел.

Сын Шкуратова Виталий - директор
школы, видел Крюкова, ~~он~~ когда ему
было 9, 2-15 лет

Шкуратов старший просит МА выдать
ему материалы о Крюкове ^{его} ~~дядькин~~
через сына. Сын Шкуратов собирает
перезабыть на Ф.Д. что ~~о~~ ~~кон~~ ~~ание~~ ~~книг~~

Фото 7.3. Копия документа из Архива Крюкова. Запись сделана Натальей Алексеевной Кручининой для А. И. Солженицына, читавшей письмо П. И. Шкуратова к М. А. Асеевой с просьбой передать ему некоторые документы из Архива для работы над "Воспоминаниями о Ф. Д. Крюкове" и романом «Павел Курганов». Дом русского зарубежья, фонд Ф 014: Архив Крюкова. Оп. 1. Папка «Вокруг архива»

Крюков и Мамонтов — со мной
 в Москве при отъезде из
 в Новороссийской — 2 недели в доме
 Бориса Переса (?), но в 95 еще
 были. Тогда в Москве переехал
 о французском Крюков Шмуратов
 — потом оставил в России
 с ними стало несколько человек
 но много и — о нем не говорю при
 Борисе Шмуратове. М.Ф.: это было
 Тагетта и Чаринская переехал
 в разе в Москву к моему отцу
 за рассказом
 А.И. — про Тригорье и умер в 1953,
 у нее остались рукописи
 о С. — теперь они в Москве
 в 6

М.Тарат энциклопедия.
 В главе о Крюкове
 Проскурина
 Шмуратов в основном
 отсутствует Крюков с Шмуратов
 не совсем так, / раз с
 М.Ф. в
 Крюковом, а также о Мамонте
 Шмуратов, Гершков
 — Крюков не — рождение
 Мамонтов — убитым
 М.Ф. Крюковой — в Москве
 М.Ф. Крюковой — похоронен
 Мирон, Сарадинский — часть
 в Уфе — Мамонтов. Сарадинский
 в Уфе — Мамонтов в Москве Г.А.А.А.

Фото 8. Копия документа из Архива Крюкова. Запись сделана Натальей Алексеевной Кручининой для А. И. Солженицына по рассказу М. А. Асеевой о П. И. Шкуратове, В. М. Проскурина (исследователе творчества и биографе Крюкова). Дом русского зарубежья, фонд Ф 014: Архив Крюкова. Оп. 1. Папка «Вокруг архива»

7. ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ.

7.1. ВОСПОМИНАНИЯ Л. А. НОВАК О ВСТРЕЧАХ С ХРАНИТЕЛЕМ

АРХИВА КРЮКОВА М. А. АСЕЕВОЙ

Особо следует сказать о воспоминаниях *Лидии Андреевны Новак* [19], которыми она доверительно делилась со мной во время незабываемых, увы, нечастых встреч в Новочеркасске на протяжении 2000–2013 годов. Научный сотрудник Новочеркасского музея истории донского казачества (НМИДК), почитатель творчества Крюкова, Лидия Андреевна неоднократно встречалась с Марией Акимовной Асеевой.

Первая встреча произошла в Новочеркасске в 1971 году. Мария Акимовна пришла в Музей истории донского казачества, рассказала Лидии Андреевне о том, что у неё есть архив Крюкова и пригласила помочь разобрать его. «Я поехала в Ленинград – вспоминала Лидия Андреевна, – и мы начали работать. Как сейчас помню... огромные кожаные коричневые чемоданы, набитые рукописями, пачки писем, каких-то документов. Разбираться в них было трудно – у Крюкова бисерный трудно читаемый почерк» [9, с. 249].

Лидия Андреевна составила опись из ста семидесяти одного произведения Ф. Д. Крюкова [9, с. 251–255]. Разборку архива в 1971–1972 году она тогда так и не завершила: сломала ногу и надолго попала в больницу, а потом у Марии Акимовны случился инфаркт.

В 1971 году М. А. Асеева показывала Л. А. Новак тетрадку, позволив её пролистать, но не делать записей. Цепкая память Лидии Андреевны запечатлела отдельные яркие места о Войсковом Круге, «картины крестных мук Дона тихого», несколько песен – «Чем-то наша славная земелюшка распахана», «Но и горд наш Дон, тихий Дон, наш батюшка». Позже, просматривая с Лидией Андреевной «Донские ведомости» и «Донскую речь» за 1918–1919 годы, мы обнаружили очень похожие места в следующих публицистических и редакторских статьях Ф. Д. Крюкова: «Свежо предание» [20], «Живые вести» [21], «После красных гостей» [22], «Войсковой круг» [23], «Единое на потребу» [24].

Имя Кондратия Булавина, по словам Л. А. Новак, несколько раз «мелькало» в «заветной тетрадошке». Можно представить трепетное волнение Лидии Андреевны, когда в её руках оказалась рукопись Крюкова «Булавинский бунт» [25]. Девяносто четыре страницы серьёзного исторического исследования, пять страниц ссылок из 83 наименований! Вещь, достойная Ф. Д. Крюкова, выпускника Петербургского историко-филологического института. Отдельные листы рукописи (титульный, 1, 86 и последний 94) представлены на фото 9, 10, 11, 12. Написание рукописи датируется 1890-1892 годами, последние 4 листа дописаны позже – после 1910 года (А. Г. Макаров).

Рукописи «Булавинского бунта» [25], «Около войны» (очерки опубликованы в журнале «Русские записки». 1914. №12, 251-261. 1915. № 2-3, 196-212, 218-226) и ряд других материалов в 1972 году М. А. Асеева благодарственно передала через Л. А. Новак в Музей истории донского казачества, где они хранятся поныне. «Привезла тогда чемодан документов», – рассказывала мне Лидия Андреевна. Одним из первых с ними ознакомился Л. Г. Шолохов, в ту пору директор НМИДК, подтвердивший этот факт при нашей встрече. Кстати, чемодан тоже принадлежал Крюкову и с тех пор хранится в НМИДК.

Странно, но рукопись «Бунта» [25] поставлена на учетное архивное хранение в НМИДК лишь в 2006 году. Хотя Л. А. Новак привезла рукопись от М. А. Асеевой в 1972 году. В описи Новак [9, с. 252] она отмечена под № 25.

В сентябре 1989 года М. А. Асеева и Л. А. Новак ещё раз встретились в Новочеркасске. Мария Акимовна прошла по памятным местам, связанным с Крюковым и своей Новочеркасской юностью. Одним из таких мест был дом на Атаманской 24, в котором периодически с августа 1918 до конца декабря 1919 проживал Ф. Д. Крюков (Фото 9).

Фото 9. М. А. Асеева (слева) и Л. А. Новак (справа) у дома на Атаманской 24, где периодически с августа 1918 до конца декабря 1919 проживал Ф. Д. Крюков. Новочеркасск, сентябрь 1989. Фото из личного архива автора (подарено Л. А. Новак)

Последний раз Мария Акимовна Асеева приезжала в Новочеркасск в декабре 1989 года. Зашла в Музей истории донского казачества, чтобы передать какие-то документы. Но Л. А. Новак в городе не оказалось, и передача не состоялась. Тем не менее, в Ленинград, по приглашению Марии Акимовны, поехали С. А. Сединко (в ту пору зам. директора НМИДК) и ст. научный сотрудник Л. В. Цыганок. Ряд предметов (стол, кресло, письменный прибор, часы и др.), а также некоторые документы были переданы в НМИДК.

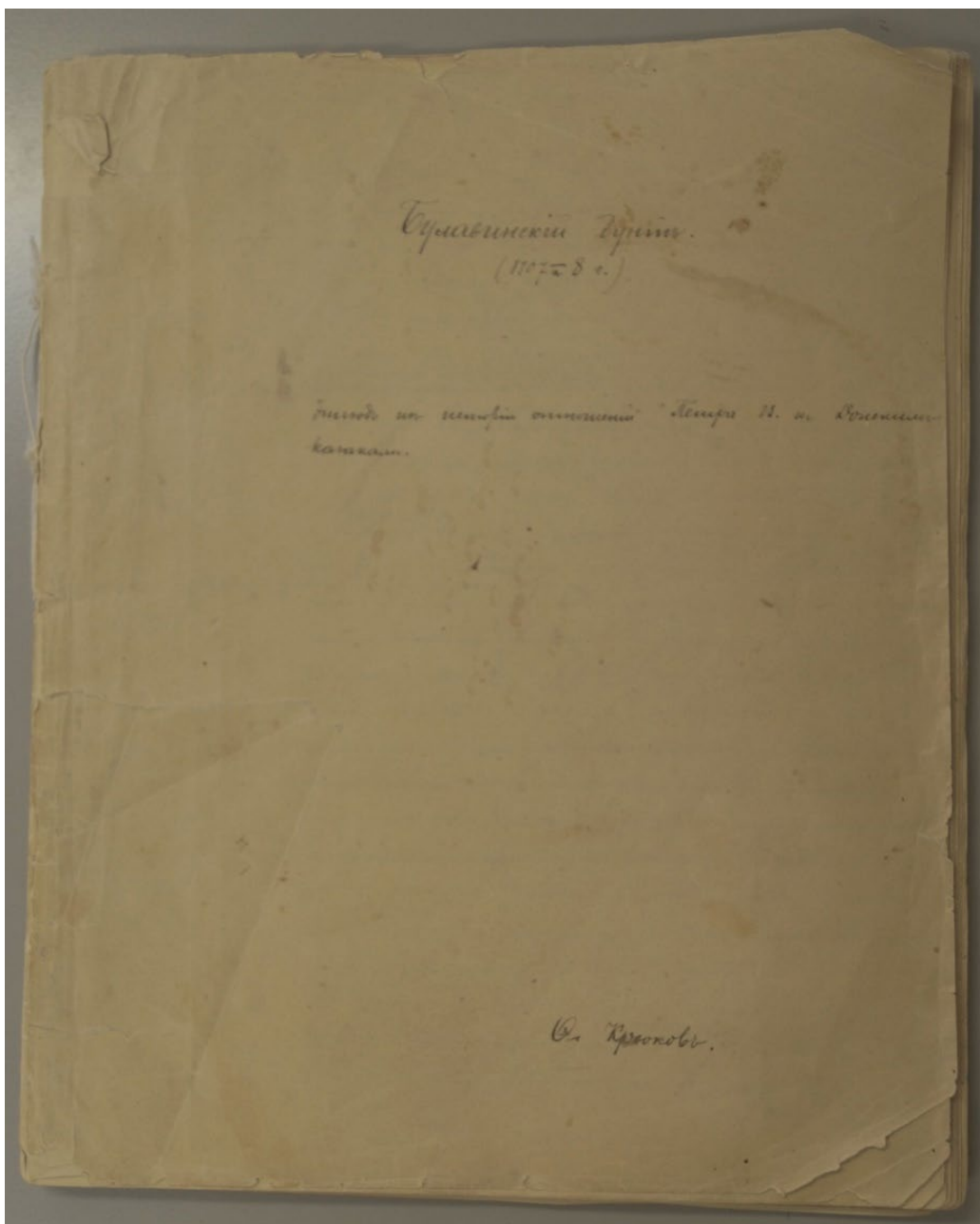
Через месяц, 18 января 1990 года, М. А. Асеева умерла. О том, что творилось в её ленинградской квартире на улице Гоголя 21 до и после похорон мне рассказывала Лидия Андреевна. Возможно, когда-нибудь опишу. Пока же нет желания – мерзко и тяжело вспоминать.

Наша последняя, увы, прощальная встреча с Л. А. Новак состоялась под Рождество 2014 года. А 27 января на 91-м году жизни Лидия Андреевна умерла, унеся многие недосказанные и нераскрытые тайны. Благодарю судьбу за подаренные встречи и общение с удивительным человеком, открывшем мне Крюкова. Вечная память!

7.2. РУКОПИСЬ Ф. Д. КРЮКОВА «БУЛАВИНСКИЙ БУНТ» И ЕЁ СЕМАНТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ С РОМАНОМ «ТИХИЙ ДОН»

В апреле 2004 года Лидия Андреевна Новак передала мне цветную копию рукописи Ф. Д. Крюкова «Булавинский бунт» с пожеланием издать её в течение месяца. Почему месяц – стало ясно позже. Рукопись могла быть продана ...

В апреле 2004 года я показал копию рукописи «Бунта» А. И. Солженицыну и А. Г. Макарову [18]. Благодаря стараниям последнего 24 мая 2004 года книга «Булавинский бунт» [26] увидела свет.

Фото 9. Титульный лист рукописи «Булавинский бунт» Ф. Д. Крюкова. НМИДК КП-22339.

которая поетъ какъ птица и тѣмъ. И какъ, и
слова въ пении гордой и легкой скорби:

Ты - то наша славная Земелюшка распалана?
Не сожгли то славная Земелюшка наша раздѣлана,
не пугали,
Раздѣлана наша Земелюшка сожженными концами,
А жальна славная Земелюшка казацкими головами.
Ты - то наша Дятловка славной твоей Дону укрѣшена?
Укрѣшена то наша твоей Дону молодыми вѣтвями.
Ты - то наша Дятловка славной твоей Дону укрѣ-
шена?
Укрѣшена наша Дятловка славной твоей Дону си-
ротами.
Ты - то во славном твоемъ Дону волна напожена?
Напожена волна во твоемъ Дону отцовскими - матер-
ными слезами. 83/.

Ф. Д. Крюковъ

Фото 11. Заключительная страница № 86 рукописи «Булавинский бунт» Ф. Д. Крюкова с песней «Земелюшка». По ссылке № 83 (в углу справа) в примечании отмечены работы историков Е. П. Савельева, В. Д. Сухорукова, Н. И. Костомарова, С. Н. Соловьёва. Хранится в НМИДК КП-22339.

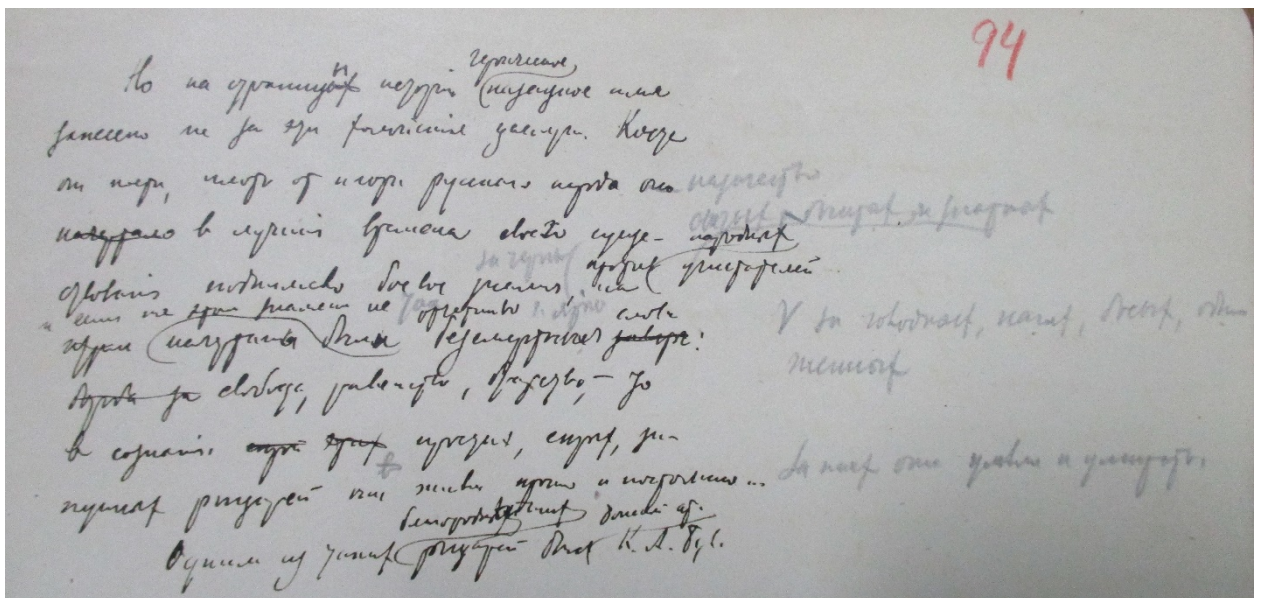
Последняя 94 страница рукописи (фото 12) была написана Крюковым, по мнению А. Макарова, позже ~ 1910 года. Это свидетельствует о том, что писатель вновь обращался к этой теме. Можно предположить, что тема Булавинского бунта нашла отражение и в «большой вещи» Ф. Д. Крюкова в контексте исторических параллелей. Как жгуче актуально звучали строчки из «Булавинского бунта» в 1917-1920 гг. [25]:

« <...> Самодержавие, сменившее татарское владычество, вскормленное в его недрах, но возложившее на русский народ новые оковы и запоры, не могло примириться со свободой и самостоятельностью какой-либо общины, класса, народности, если представлялась возможность задавить эту свободу. Потеря казацкой автономии была лишь вопросом времени.

<...> Старые времена славной удали, широкой свободы, самостоятельности, громких подвигов старательно стирались из памяти казачества. Заменяли их выдуманными рассказами патриотического свойства, изображавшими исконную казацкую преданность престолу самодержцев и неукротимое стремление биться за блеск самодержавия, так много благодетельствовавшего казакам.

Но на страницы истории героическое казацкое имя занесено не за эти холопские заслуги. Когда в лучшие времена своего существования, плоть от плоти русского народа. Казачество поднимало боевое знамя против сытых, богатых, народных угнетателей, за чернь, за голодных, нагих, босых обиженных, и если на этом знамени не торжественно и ярко были начертаны бессмертные слова: свобода, равенство и братство, – то в сознании простых, сырых, *зипунных рыцарей* они жили прочно и постоянно. За них они умели и умирать.

Одним из таких блистательных рыцарей был донской атаман К. А. Булавин» (см. ниже фото 12).

Фото 12. Последняя 94 страница рукописи «Булавинский бунт» Ф. Д. Крюкова. Написана позже ~ 1910 г. НМИДК КП-22339.

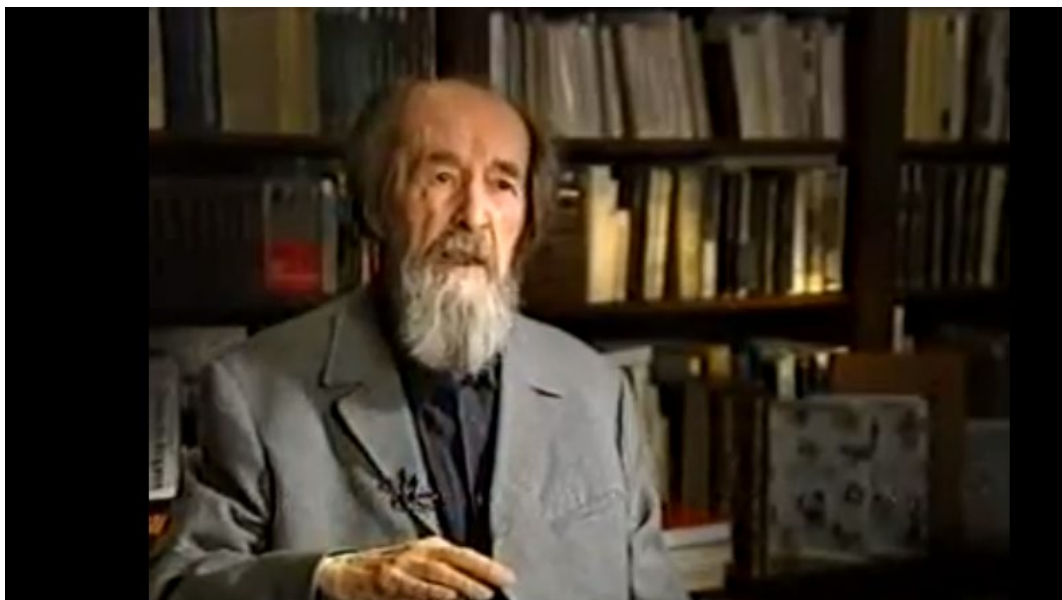

7.3. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН, РУКОПИСЬ «БУЛАВИНСКИЙ БУНТ» И ВСТРЕЧА АВТОРА С ПИСАТЕЛЕМ

А.И. Солженицын одним из первых видел привезенную мной копию рукописи «Бунта» и благословил ее издание. При встрече я рассказал Александру Исаевичу историю её приобретения благодаря Л. А. Новак. Оказалось, он был знаком с Лидией Андреевной «по Новочеркасским делам 1962 года» и работе с материалами закрытого фонда Музея истории Донского казачества. Задержав взгляд на последней странице рукописи «Бунта» со старинной казачьей песней «Чем-то наша славная земелюшка распахана?» (фото 11), загадочно произнес: «Жаль, не пришла ко мне рукопись тогда. Был бы срезан начисто». Позже стало ясно: речь о М. Шолохове, песенном эпиграфе к «Тихому Дону», пяти Булавинских эпизодах с потопленными казаками воровского городка Чиганаки баржами, плавучими виселицами, пущенными вниз по Дону, ликбезом Штокмана с чтением «казачьей истории от доисторических времен до времен *Василия Булавина*» (так было в рукописи «Тихого Дона», потом “бдительные” редакторы исправили Василия на Кондратий). Это заимствованные Шолоховым или соавторами Крюковские «исторические параллели» вернувшихся «времен отжитых испытаний и мук, севших в переднем углу нашей жизни» (Ф. Д. Крюков).

Расставаясь, я спросил у Александра Исаевича: «Предполагалось ли участие Федора Ковынёва в Верхне-Донском восстании?» (фото 13). Он с лукавым прищуром ответил: «Спросите у Крюкова». Многозначительность ответа осознана мной позже.

В ту памятную встречу меня интересовали ответы Александра Исаевича на вопросы о «заветной тетрадке» с материалами к «большой вещи» Крюкова. Он отвечал уклончиво.

Фото 13. Кадр из фильма «Казак» о Ф. Д. Крюкове (авторы Т. Сергеева, И. Сафаров). Интервью с А. И. Солженицыным в 2005 г. <https://my.mail.ru/mail/krukov-fond/video/krukov-fond.narodru/14.html?v-ref=fb>

8. ПРОРОЧЕСКОЕ ПРИЗВАНИЕ ПИСАТЕЛЯ Ф. Д. КРЮКОВА

А теперь предоставим слово самому Ф. Д. Крюкову, «Гомеру казачества» (П. Автономов), «нашему светлому пророку и бытописателю Дона (С. Пинус).

Как истинный художник, мастер слова, вдумчивый историк Крюков понял и осмыслил истоки и причины донской трагедии в революции 1917 года – «страшном эксперименте над несчастной Россией» (Ф. Д. Крюков).

«Придет когда-нибудь время, ученые-исследователи тщательно разберут и определяют все нити ткани, из которой создается на наших глазах сложный покров современной истории. И может быть, явится *большой художник*, который воспроизведет диковинный узор этой ткани перед изумленными взорами будущих поколений» [20, с. 169].

«Может быть, придет когда-нибудь время – *беспристрастный, эпически спокойный повествователь* с достаточной полнотой и последовательностью изобразит ту картину крестных мук Дона Тихого. <...> Может быть, отойдя на расстояние, в исцеляющую даль времени, будет создано целостное отображение туги народной, беды казачьей ... Сейчас это сделать нет сил», – с болью в душе за судьбу России и родимого края писал Крюков в августе 1919 года в очерке «После красных гостей» [22, с. 233]. Нетрудно предположить, что «беспристрастным повествователем» и «большим художником», создавшем «целостное отображение беды казачьей» и «сложное полотно современной истории» мог быть Ф. Д. Крюков. Приведенные выше близкие по смыслу фразы Крюкова, сказанные с интервалом 7 месяцев, говорят о его мучительных размышлениях и тревоге за судьбу родимого края после поражения 2-х восстаний на Дону. Несомненно, они нашли бы отражение в его «большой вещи», которую он задумал и напряженно работал, собирал материал. Периодически такие размышления обобщались, облекались в художественную форму и записывались в те самые «заветные тетрадки». Одна из них передана на хранение Н. П. Асееву в Новочеркасске в декабре 1919 года, часть – Крюков взял в отступ и после его смерти попала в руки П. Я. Громославского (будущего тестя М. А. Шолохова), другую часть – спасла сестра М. Д. Крюкова, бывшая с ним в отступе. Позже часть этих материалов попала к племяннику Д. А. Крюкову, передавшему их в ГАРО и затем они «перекочевали» в ИМЛИ. Кое-что досталось П. И. Шкуратову (одностаничнику Крюкова). Никто из них до Новороссийска не добрался, все вернулись на Дон.

«Крестные муки Дона Тихого» он отобразил в метафорическом разливе реки Медведицы: «<...> вдруг эта самая Медведица взбушевалась... и через край залила тихую степь бедой и неожиданной тревогой, <...> разобщила людей между собой, не оживила, не оплодотворила, а придавила жизнь, остановила созидательную работу. <...> Сколько-то песку, сору и обломков оставит в жизни тихих степных углов революция – угадать сейчас мудрено. Но, несомненно, оставит ямы, коловерты, изрытые дороги, разорванные плотины и развалины старинных привычных учреждений. Разлив её пришёл сюда также неожиданно-негаданно, как и разлив речки Медведицы, ошеломил, озадачил, сбил с толку смиренного трудящегося, законопослушного жителя, а догадливых и шустрых молодцов взмыл на гребень зыби с одним-единственным лозунгом на устах: всё и всех скovyрнуть» [27]. Коловерты Медведицы и Хопра «оживили» стремнину Дона и шальное «стремля понесло, норовя повернуть боком» спокойную жизнь донских станиц и хуторов. Это о страшной эстафетной беде, порождённой революцией 1917 года и дальше по течению, умноженной Усть-Хопёрским (1918) и Верхне-Донским (1919) восстаниями.

Не в этих ли метафорических картинах заключено пророческое призвание писателя-патриота Крюкова? Проживи он дольше – на литературном небосклоне

ослепительным блеском засияла «большая вещь» под условным названием «Стремя Тихого Дона».

«Вы открыли России казака и первым дали настоящий колорит Дона», – говорил Крюкову Короленко [28]. Творчество Ф. Д. Крюкова яркое подтверждение этому, а «большая вещь» – его вершина. С этой вершины, через «виденья зипунных рыцарей былых» и «крёстные муки Дона Тихого», он устремил свой пророческий взор в «исцеляющую даль времени», осветив потомкам путь к созиданию и благу родимого края.

Вместо заключения.

14 (2) февраля 2020 г. исполнилось 150 лет со Дня рождения Ф. Д. Крюкова. Истинные почитатели творчества писателя и патриота Дона достойно отметили эту юбилейную дату. Стараниями А. Г. Макарова в издательстве АИРО-XXI www.airo-xxi.ru/ вышло 6-томное издание сочинений Ф. Д. Крюкова, подготовлены к изданию 7 и 8 тома.

Пушкинский дом (ИРЛИ) в Санкт-Петербурге 14 февраля 2020 г. провел Крюковские чтения (А. Ю. Чернов, А. В. Дубровский). Программа и выступления участников Чтений здесь <https://www.youtube.com/watch?v=q9ftg1U2zLk>.

13 марта 2020 г. в Выставочном зале Донской публичной библиотеки г. Ростов-на-Дону проведен круглый стол https://www.youtube.com/watch?v=H_2bmchpJqI (Л. А. Штавадакер). С докладами выступили д-р А. В. Венков (г. Ростов на Дону), д-р Л. Н. Малюкова (г. Таганрог), Л. Н. Дода (ст. Мигулинская), И. А. Мурашкин (ст. Глазуновская).

В Новочеркасском музее истории Донского казачества (НМИД) была организована экспозиция «Меж крутых берегов», посвященная бытописателю Дона Ф. Д. Крюкову, на которой представлены уникальные документы (в том числе из Архива Ф. Д. Крюкова, привезенные Л. А. Новак от М. А. Асеевой в 1971-1972 гг.) и личные вещи писателя (автор выставки Е. С. Кикоть). Сюжет об экспозиции к 150-летию Ф. Д. Крюкова в НМИД здесь <https://www.youtube.com/watch?v=vUmpTM4IAh8&fbclid=IwAR0c17xEd1QHdPMDOELeqXYbt6FGAGHEIfuSV-bihecAgzmCcqYbqrV1s>

Музей Крюкова в станице Глазуновской также провел юбилейные мероприятия (А. И. Попов, И. А. Мурашкин). В 2005 г. вышел документальный фильм «Казак» о жизни и творчестве Ф. Д. Крюкова (авторы Т. Сергеева, И. Сафаров) <https://my.mail.ru/mail/krukov-fond/video/krukov-fond.narodru/14.html?v-ref=fb>

В юбилейном году на телеканале «Культура» вышел фильм «Великая река России».

Успешно работают сайты, публикующие новые интересные материалы о жизни и творчестве Крюкова: www.nestorina.org (А. Ю. Чернов), www.airo-xxi.ru/ (А. Г. Макаров), <http://kuvaldn-nu.narod.ru> (Ю. А. Кувалдин), www.krukov-fond.ru (А. И. Попов).

Отрадно, имя Ф. Д. Крюкова, «Гомера казачества», не забыто, возвращается в наше смятенное «сегодня», помогая адекватно оценивать любые «социальные эксперименты» над народом, упреждать их, сверяя по «историческим параллелям» Ф. Д. Крюкова.

В завершение песня (крик и боль души истинных патриотов России и Донского края) «Поручик Голицын» в исполнении Александра Малинина (музыка и слова Михаила Звездинского): https://www.youtube.com/watch?v=tNtrC_yw0nQ&feature=youtu.be&t=205&fbclid=IwAR0HFB2KGCqtoNquV-3V9RiRmPxx30U6DKatHBkKxHHGPd0uLT8fn_WfjTU

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Асеев Николай Пудович (3 (15).07.1871 – 5.10.1952), ученый, крупный специалист в области цветной металлургии, доктор технических наук, преподаватель. Окончил Санкт-Петербургский горный институт в 1894 г. Ординарный профессор Горного института с 1912 г., где проработал до конца жизни. Проектировал крупнейшие заводы цветной металлургии в России. Дважды лауреат Сталинской премии, дважды кавалер ордена Ленина. Об ученом-металлурге и преподавателе Горного института Н.П. Асееве интересные воспоминания здесь www.greyver.ru. Друг и соратник Ф. Д. Крюкова. До своей смерти в 1952 г. являлся хранителем его Архива. Похоронен на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге.
2. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф 014: Крюков Фёдор Дмитриевич. Оп. 1. Папки: «Письма к Ф. Д. Крюкову», «Фотоматериалы», «Вокруг архива».
3. *Серрапин С. (Пинус С.)* Памяти Ф. Д. Крюкова // Сполох. 1920. 5 сент.). Цит. по: *Крюков Ф. Д.* Обвал: Смута 1917 года глазами русского писателя. М. 2009. С. 340.
4. *Крюков Ф. Д.* Живые вести // Дон. вед. 1919. 21 мая (3июня). С. 3-4. Здесь и далее цит. по: *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 216.
5. *Его же.* После красных гостей // Дон. вед. 1919. 25 июля (7 авг.). С. 2. Цит. по: *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 229.
6. *Ветютнев Д.* Письма к Ф. Д. Крюкову // РО РГБ. Ф 654, к. 3, ед. хр. 54, л. 17.
7. Письмо Крюкова к Горнфельду // РГАЛИ. Ф 155. Д 676.
8. Шолохов, Крюков и «Тихий Дон»: письмо проф. Маргушина редактору «Нового русского слова» // Новое рус. слово. 1974. 28 сент. С. 5. Цит. по: Несториана: древнерус. и др. новости от А. Чернова: [сайт]. URL: https://nestoriana.wordpress.com/2018/01/19/td_margushin/ (дата обращения 03.06.2020).
9. *Новак Л.А.* «Мария Акимовна сказала, что у неё есть архив Крюкова...»; Опыт описи произведений Ф. Д. Крюкова (составлена Л. А. Новак) // Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. М., 2010. С. 249–255.
10. *Солженицын А. И.* Бодался телёнок с дубом: очерки лит. жизни. Пятое доп. (1974 – 1975). Невидимки. Гл. 14. Стремя «Тихого Дона» // Новый мир». 1991. № 12. С. 69 – 76.
11. *Медведева-Томашевская И. Н.* Стремя “Тихого Дона” (загадки романа) / Предисл. : Солженицын А. И. Невырванная тайна. С. 5 – 13. Paris : YMCA-PRESS, 1974.
12. Цит. по: *Солженицын А. И.* Невырванная тайна. Предисл. к публ. // *Медведева-Томашевская И. Н.* Стремя “Тихого Дона” (загадки романа). Paris, 1974. С. 12.
13. Медведева-Томашевская Ирина Николаевна (1903–1973), литературовед, супруга известного пушкиниста, проф. Б. В. Томашевского. Окончила филологический факультет ЛГУ и словесное отделение Высших государственных курсов при Государственном институте истории искусств. В начале 1970-х годов, по предложению А. И. Солженицына, начала исследование по проблеме авторства романа «Тихий Дон», уже после ее смерти оформленное в книгу «Стремя “Тихого Дона”». В написанном А. И. Солженицыным предисловии к первому изданию книги (Париж, 1974) И. Н. Томашевская присутствует под псевдонимом «Д*». Автор книг «Русская Таврида» (1946), «Горе от ума. А. С. Грибоедов» (1971; 1974).
14. *Малюкова Л.* «И покотился с грохотом обвал...»: Судьба и творчество Ф. Д. Крюкова. Ростов н/Д. : Дониздат, 2007. С. 236–243.

15. Чуковская Елена Цезаревна (1931–2015), химик и литературовед, дочь Лидии Корнеевны Чуковской и литературоведа Цезаря Самойловича Вольпе. Кандидат химических наук. Помогала А. И. Солженицыну в сборе и обработке материалов для эпопеи «Красное колесо» и работы над исследованием «Стремя “Тихого Дона”» И. Н. Медведевой-Томашевской. Лауреат премии Александра Солженицына.
16. Заяц Александр Андреевич, кандидат филологических наук, специалист по русской литературе XIX – XX вв., автор наиболее полной творческой биографии Ф. Д. Крюкова, исследований по проблеме авторства «Тихого Дона», один из ведущих программ «Пятое колесо» и «Преображение» на Петербургском телевизионном канале.
17. Томашевская Зоя Борисовна (1922–2010) архитектор, художник, мемуарист, музейный деятель. Дочь филологов И. Н. Медведевой-Томашевской и Б. В. Томашевского.
18. Макаров Андрей Глебович (1949 г. р.), выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, генеральный директор НИЦ «АИРО-XXI», исследователь жизни и творчества Ф. Д. Крюкова, российской истории. С 2001 года издает и редактирует серию «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”».
19. Новак Лидия Андреевна (3.01.1924 – 27.01.2014), историк-краевед. В Новочеркасском музее истории донского казачества с 1957 года прошла все ступени деятельности музейного работника – от экскурсовода до заместителя директора по научной работе. Автор книг: «С рюкзаком по донскому краю», «Обряды и праздники на Дону», «Донской народный костюм», «Побратимы-другари», «Как это было на тихом Дону» (соавт. Н. Г. Фрадкина); ряда статей в «Советской исторической энциклопедии» и энциклопедии «Новочеркасск», участница Великой Отечественной войны, воевала связистом, награждена боевыми орденами и медалями. С 1967 года начала формировать фонд Ф. Д. Крюкова и Н. П. Асеева в Новочеркасском музее истории донского казачества.
20. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 169–174.
21. *Его же.* Живые вести // *Дон. вед.* 1919. 21 мая (Зиюня). С. 3–4. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 215–219.
22. *Его же.* После красных гостей // *Дон. вед.* 1919. 25 июля (7 авг.). С. 2–3; 4 (17) авг. С. 2–3; 8 (21) авг. С. 2–3. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 228–244.
23. *Его же.* Войсковой круг // *Дон. речь.* 1919. 6 (19) дек. С. 2. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 274–278.
24. *Его же.* Единое на потребу // *Дон. вед.* 1919. 21 дек. То же. // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 289–290.
25. *Его же.* Булавинский бунт (1707–1708 г.). Этюд из истории отношений Петра Великого к дон. казакам. Рукопись. // НМИДК КП-22339.
26. *Его же.* Булавинский бунт (1707–1708 г.). Этюд из истории отношений Петра Великого к дон. казакам: Неизвестная рукопись Ф. Крюкова из донского архива писателя [Ст.: А. Г. Макаров, С. Э. Макарова; Ассоциация исследователей Российского общества XX в. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 206 с.: ил. (Исследования по проблеме авторства «Тихого Дона»)].
27. *Его же.* Новым строем // *Крюков Ф. Д.* Обвал. С. 77–78.
28. *Короленко В. Г.* Избранные письма. М., 1936. Т. 3. С. 228.

Л. Н. Дода

**СУДЬБА ДОНСКИХ АРХИВОВ
ПУШКИНА И КРЮКОВА**

Дизайн обложки: Леонид Дода

ИД № 03952 от 07.02.2001. Подписано в печать 20.04.2021.

Печать цифровая. Бум. офсетная. Гарнитура Times New Roman. 60 с.

Тираж 50 экз. Заказ 004-020.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.002373.03.06 от
24.03.2006 Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав
потребителей и благополучия человека РФ

Издательство «Артегер»

117593, г. Москва, Литовский б-р, дом 3, корп. 2

Отпечатано в типографии издательства «Артегер»

Тел./факс (495) 719-09-51

E-mail: mail@arterger.ru

